

УДК 17.03(172.4)



**Скворцов А.А.**

## **Концептуализация представлений о войне в западной моральной философии и русской этической мысли XVII—XIX вв.**

Скворцов Алексей Алексеевич, кандидат философских наук, доцент кафедры этики Философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

E-mail: lambis@mail.ru

В статье проводится сравнение взглядов на моральный смысл войн в западной этике и русской нравственной философии XVII—XIX вв. Показаны точки согласия и расхождения этих взглядов, продемонстрирован плюралистический характер обоснования войны в западной этике и принципиально религиозная стратегия обоснования в отечественной традиции.

**Ключевые слова:** этика, западная философия, русская философия, война, насилие, вооруженная борьба, милитаризм, антимилитаризм, справедливая война, священная война.

### **1. Западноевропейская этическая мысль о войне**

#### **1.**

Сегодня в мире нет ни одного человека, исключая младенцев, не ведающего, что такое война. Одни знают ее по личному опыту участия в боевых действиях, другие — по книгам, телерепортажам, рассказам. Однако в комплексе наук, изучающих войну как социальное явление, единства во мнении по поводу самого понятия нет. В самом деле, зададимся вопросом: что такое война? Воображение сразу рисует вооруженную борьбу, происходящую между группами людей. Но всегда ли война там, где оружие? Если да, то какое оружие в таком случае применяется в экологической, торговой, «холодной», дипломатической войнах, о которых нередко можно услышать? К тому же всякую ли вооруженную борьбу можно считать войной? В крупных городах едва ли не ежедневно случаются перестрелки — неужели это тоже война?

Споры о понятии ведутся очень давно. Сегодня можно выделить несколько наиболее влиятельных точек зрения, которые скорее не противоречат, а дополняют друг друга. Первая из них (условно назовем ее социобиологической) придерживается мнения, что война есть форма межгрупповой агрессии, вплоть до массовых убийств, унаследованная человеком от животного мира. Эту точку зрения разделяли эволюционистские теории (Дарвин, Спенсер, Гексли), социалдарвинизм (Самнер, Гумплович, Уилсон), психоаналитические теории (Фрейд, Адлер, Фромм), современная этология (Лоренц, Тинберген). Согласно им, коллективная борьба встречается среди животных, — например, К. Лоренц говорил о войне среди крыс (см.: [Лоренц 1994]). Тем самым, война не есть нечто противоестественное, а, напротив, — вполне естественное явление. Однако коллективная агрессия — понятие более широкое, чем война. В него может входить и преступность, и терроризм, и другие формы насилия. Для войны необходим достаточно высокий уровень социального устройства, хотя бы первые примитивные общественные образования, вполне осознающие свои цели и готовые организованно бороться за свои выгоды. Поэтому, на наш взгляд, говорить о войне можно начиная со сложившегося родового строя, а не с первобытно-общинного. Что же касается животных, то применительно к ним уместнее говорить не о войне, а именно о межгрупповой агрессии. Ведение же войны есть рациональное целенаправленное действие осознавшей себя социальной группы, отстаивающей свои интересы. Отсюда вытекает вторая точка зрения, не менее распространенная, чем первая, которую можно обозначить как политологическую. Согласно ей, война есть не просто форма коллективной борьбы, а достаточно хорошо организованное, вооруженное противостояние двух независимых политических групп (племен, народов, государств, классов и т.д.), противоположных по своим интересам и целям. Этот взгляд, в первую очередь, связывается с произведением К. Клаузевица «О войне» [Клаузевиц 1996], где он провел жесткую связь между

**Скворцов А.А. КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ВОЙНЕ В ЗАПАДНОЙ МОРАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ И РУССКОЙ ЭТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ XVII—XIX вв.**

войной и политикой. Однако эту связь прекрасно понимал еще Аристотель, а до него Платон; и вообще, близкое родство между войной и политикой очевидно. Но из этого родства вытекает, что война появляется там, где есть власть, где есть борьба за власть и где есть то, над чем можно властвовать, т.е. собственность. Таким образом, война есть организованная политическая борьба за свое благосостояние и могущество. В наше время об этом говорят марксистские теории, геополитические исследования (Маккиндер, Хантингтон), современная политология.

Третью точку зрения на понятие войны можно обозначить как военно-техническую. Она обращает внимание на внешнюю сторону явления и считает его вооруженным противоборством между группами людей. Пока нет достаточно развитых средств вооружения и регулярных армий, то нет и войны, а, значит, она могла появиться не раньше первых рабовладельческих государств. Недостаточно осознавать то, за что стоит воевать; надо еще понимать, чем и как воевать. Отсюда необходимы хотя бы элементарные знания о тактике боя, оперативном искусстве, стратегии; без них нет войны, есть лишь стычки и драки. Это мнение распространено среди представителей военной науки. Наконец, четвертая позиция, назовем ее морально-правовой, в принципе согласна с остальными тремя, что война есть групповая агрессия, предпринятая ради собственных политических интересов и ведущаяся посредством вооруженной борьбы, но обращает особое внимание на то, что боевые действия всегда связаны с неисчислимыми страданиями, разрушениями и жертвами. Если же их нет, если все снаряды летят впустую, а выстрелы гремят в воздух, то мы наблюдаем учения, акции устрашения, — все что угодно, но только не войну. В нее вооруженное столкновение перерастет лишь тогда, когда число погибших превышает одну тысячу за год. Если же их меньше, то мы имеем дело с вооруженным конфликтом. Именно количество жертв отличает войну от иных организованных форм насилия. Этот взгляд лег в основу множества международно-правовых конвенций и договоров по ограничению средств ведения боевых действий. Для них неважно, какие причины и цели стоят за той или иной войной, главное надо ограничить насилие.

Суммируя все указанные точки зрения, можно дать рабочее определение войны. Это длительное организованное вооруженное противоборство двух или нескольких политических групп (государств либо национальных, религиозных, сословных или иных групп внутри одного государства), отстаивающих противоположные интересы; причем эта борьба сопровождается массовыми разрушениями и числом погибших не менее тысячи в год (подробнее о спорах вокруг понятия войны см.: [Серебрянников 1997, с. 35—48; *Война и мир в ранней истории человечества* 1994, т. 1, с. 48—57]). Отсюда ясно, что выражения «торговая война» или «экономическая война» суть метафоры, а ядерная, информационная, тектоническая, химическая, биологические войны называются так по типу используемого оружия. Что касается термина «холодная война», то это тоже скорее метафора, обозначающая напряженные отношения — конфликт, при котором стороны не прибегают к открытому вооруженному противостоянию, — между двумя государствами. Эту метафору, как уже давно замечено, можно успешно заменить на другую — «горячая дипломатия».

Приведенное определение войны учитывает несколько основных точек зрения, однако при этом оно обладает значительным недостатком. Все эти мнения подробно рассматривают лишь внешнюю, видимую часть войны и почти не учитывают ее духовного содержания, что, кстати, философия не имеет права делать. Далеко не одни политические интересы сеют вражду между обществами; огромную роль здесь играет и духовное противостояние ценностей, нравственных мотивов, религиозных чувств и т.д. Из истории мы знаем, что любой крупной войне предшествует всплеск ненависти к будущему врагу, растет резкое неприятие всей его культуры. О том, что именно борьба в сфере духа начинает войны на земле, говорили русские религиозные философы, о чем речь пойдет ниже. На Западе же первым мыслителем, который представил всю историю человечества в виде свержения старых и утверждения новых святынь, как борьбу множества ценностнополагающих волей, был Ф. Ницше. После него в Европе огромное распространение получили произведения о духовных конфронтациях нашего времени, о сражениях полярных мировоззрений, таких как массовая и элитарная культура (Ортега-и-Гассет, франкфуртская школа), традиционализм и космополитизм (Генон, Эвола), социализм и капитализм (Лукач, Адорно), демократия и тоталитаризм (Сорокин, Поппер) и многих других. В эпоху мировых войн пришло осознание того, что ни одно стремление к материальным благам самим по себе, не могло бы стать причиной стольких ужасов милитаризма.

«Эти страшные жертвы, — писал Н.А. Бердяев, — требуют сверхразумной санкции, требуют веры в цель и смысл, лежащие за пределами этого эмпирического отрывка земной жизни» [Бердяев 1990, с. 219].

Не жажда богатства — по крайней мере, не одна только жажда богатства — влекла Германию и ее союзников вступить в бой с остальным миром, а духовная потребность навязать свое видение мира, свою волю к власти, говоря словами Ницше. Духовная война всегда сопровождала войну физическую. О ее огромном значении свидетельствует хотя бы тот факт, что к концу XIX в. в военной науке появился особый отдел, повествующий о войне психологической. Оказалось, что сражение можно выиграть без единого выстрела, но для этого надо духовно подавить врага, сломить его волю к сопротивлению. Поэтому правильное рассмотрение войны должно обязательно касаться ее духовной составляющей, иметь в виду те ценности, которые заставляют ту или иную группу людей проходить испытание огнем. При этом духовная воинственность не тождественна агрессии, которую человек наследует от природы, и она живет в нем помимо его воли. Воинственность — это агрессия, сознательно преобразованная в охранительную силу. Ее не может быть без осознания ценности своего рода, святости родного очага. Отсюда воинский труд изначально невозможен без нравственного чувства, без разделения мира на священное и профанное, свое и чужое. Безусловно, войны двигает не только моральное чувство защиты своих ценно-

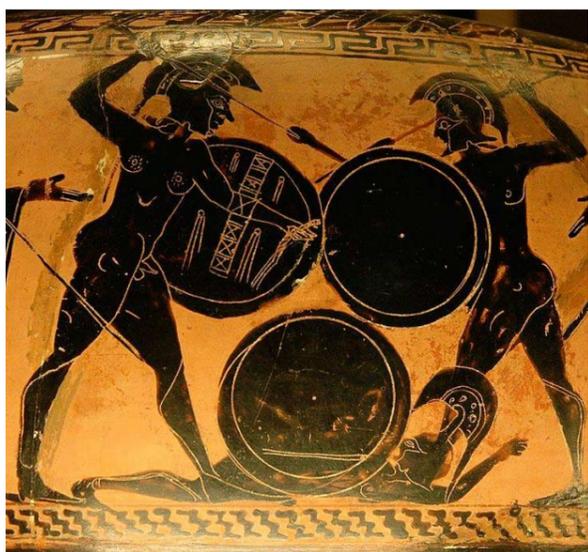
**Скворцов А.А. КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ВОЙНЕ В ЗАПАДНОЙ МОРАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ И РУССКОЙ ЭТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ XVII—XIX вв.**

стей от чужих; есть еще немало причин. Также верно, что далеко не всегда противостояние различных мировоззрений вело обязательно к битвам. Но без ценностного основания война невозможна, и этика войны должна это иметь в виду. Ее интересует не экономические или биологические составляющие вооруженных противостояний, не эволюция военного искусства, а то, какими высшими целями и ценностями обосновывалось в разные времена вступление в войну. Следующий ниже очерк западной этики войны, будет касаться главным образом этой проблемы.

**2.**

С войнами человечество познакомилось на самых ранних этапах своей истории. Сейчас трудно сказать, чем же было доисторическое, первобытное состояние общества: Золотым веком, воспетым Гесиодом и романтиками, царством естественности и свободы, как думал Ж-Ж .Руссо, или же в нем царила жестокость «войны всех против всех», которую столь ярко описал Т. Гоббс. Также окончательно не выясненным остается вопрос о характере первых гоминидов, были ли они кровожадными существами, совершавшими массовые убийства себе подобных, как думали последователи Фрейда и социобиологии, или же человек изначально был весьма мирным существом, применявшим агрессию только ради самозащиты (Лоренц и этология). Скорее всего, истина в обоих случаях лежит где-то посередине. Однако существование в то время коллективных стычек, заканчивавшихся смертью, — факт бесспорный, впрочем, так же, как и то, что уже предгоминиды обладали различными образцами оружия. Можно сказать, что время, предшествовавшее разделению истории на войну и мир, отнюдь не было мирным. Как мы уже отмечали, о войнах можно говорить лишь с того момента, когда выделились первые крупные родовые общины, а в них отделилась особая каста воинов, призванная защищать мирный труд остальных.

Вл.С. Соловьеву в этой связи принадлежит интересная мысль, что переход от стадии, когда в вооруженной борьбе участвовало все боеспособное население, к стадии разделения общины на воинов и не воинов, был первым шагом к ограничению насилия, «первым великим шагом на пути к осуществлению мира» [Соловьев 1988, с. 467]. Трудно точно описать характер боевых действий в первобытный период истории человечества, но есть данные, что уже тогда появились первые попытки их регламентировать. Автор капитального труда «История военного искусства» профессор Е.А. Разин указывает на «строгие правила, которые соблюдались при вооруженных конфликтах» [Разин 2000, с. 22]. Во-первых, нападение не могло быть внезапным, т.к. ему предшествовали переговоры, во-вторых, схватка должна была проходить в специально предназначенном месте, в-третьих, вооруженные столкновения часто заканчивались несколькими единоборствами, которые происходили до первой пролитой крови, после чего потерпевшая сторона признавала себя побежденной. Из этих правил можно сделать вывод, что уже на заре человечества вооруженное насилие воспринималось как последнее, самое крайнее средство достичь желаемых целей. Однако войны между самыми первыми армиями сразу же стали чрезвычайно распространенным явлением, и представить без них раннюю историю цивилизаций невозможно (подробнее см.: [Война и мир в ранней истории человечества 1994, т. 1]). Нет ни одного памятника письменности древнейших эпох, где не содержалось бы упоминания о войне или воинстве. Первое же европейское литературное свидетельство подобного рода — поэма Гомера «Илиада» — целиком посвящена описанию первой «межконтинентальной» войны. При этом надо учесть, что позднеахейская Эллада была далеко не самой ранней цивилизацией Древней Греции. Можно только догадываться, какими столкновениями сопровождалось завоевание Крита ахейцами (в позднеминийский период) и дорийское вторжение.



Битва гоплитов. Чернофигурная роспись.  
Середина VI в. до н.э.

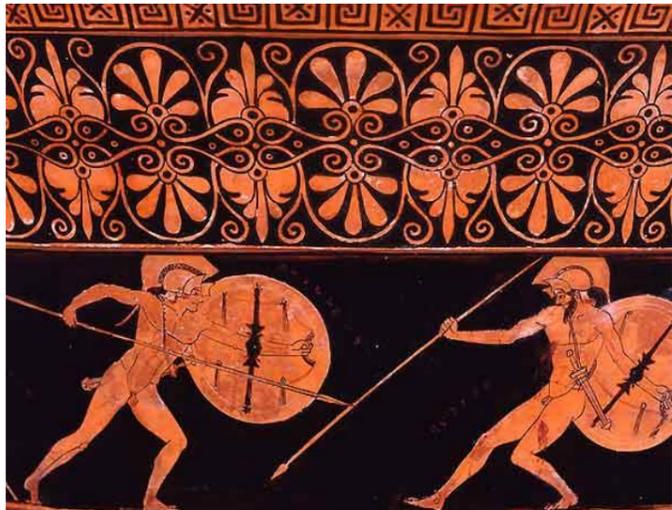


Сцена Троянской войны: битва при кораблях. Афинский саркофаг.  
Вторая четверть III в. до н.э.

В сравнении с появлением самого феномена войны первые попытки его осмысления запаздывают на длительное время. В «Илиаде» и «Одиссее», а также в древнегреческих мифах мы находим первое нравственное отношение к войне. Там война не только не осуждается, но и считается достойным занятием для лучших людей своего времени, можно сказать, божественным занятием, т.к. сами небожители принимают участие в людских распрях. Греческие поэты воспевают воин-

**Скворцов А.А. КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ВОЙНЕ В ЗАПАДНОЙ МОРАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ И РУССКОЙ ЭТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ XVII—XIX вв.**

ские доблести своих персонажей: мужество, стойкость, верность боевой дружбе, физическую силу и ловкость. Самые известные греческие герои — Ахилл, Менелай, Аякс, Тесей — прославились в первую очередь своими военными подвигами.



Поединок Гектора с Ахиллесом.  
Краснофигурная ваза.  
Первая половина V в. до н.э.



Менелай и Гектор в битве над телом  
Эвфорба. Блюдо. Конец VII в. до н.э.



Битва Тесея и амазонок.  
Барельеф саркофага. Ок. 180 г. до н.э.

Но мифологическому описанию войны как доблести противостояло понимание ее как ужасной всеобщей беды, никому не приносящей славы, выраженное в греческой трагедии. Саламинской катастрофой заканчивается поход Ксеркса в Грецию; великий плач всей Персии доносит до нас Эсхил (в трагедии «Персы»). Семеро воинов, вступивших в справедливую борьбу против Фив<sup>1</sup>, гибнут под стенами города.

<sup>1</sup> Полиник, изгнанный из Фив родным братом Этеоклом (с которым, как предполагалось, они должны были поочередно править в Фивах) и организовавший поход против Фив, чтобы вернуть утраченную царскую власть, только Еврипидом (в «Финикиянках») изображен с сочувствием как жертва несправедливости, вынудившей его к применению силы. Однако Эсхилом («Семеро против Фив») и Софоклом («Эдип в Колонне») Полиник (само имя которого трактуется как «ищущий брани») изображен как инициатор захватнической войны против родного города. (Прим. ред.).



Битва Этеокла и Полиника.  
Рельеф погребальной урны из Кюзю.  
III в. до н.э.



Сцена гибели братьев Этеокла и Полиника  
Фрагмент фрески из «Гробницы Франсуа» (памятника этрусской культуры).  
Ок. IV в. до н.э.

Первая, самая ранняя, военная мысль Европы родилась вместе с историей и поначалу просто фиксировала хронологию битв, походов, деяний великих полководцев. Древнейшие сведения о войнах, исторические, а не полумифологические, как о Троянской, можно найти еще у греческих логографов<sup>2</sup>. Харон Лампсакский в «Лампсакской хронике» зафиксировал

<sup>2</sup> Логографы (λογογράφος, мн.ч. λογογράφοι, от λόγος — слово и γράφω — пишу) — в Древней Греции обозначение двух групп людей: историков и составителей речей. (Прим. ред.).

события греко-персидских войн (V в. до н.э.), а Гелланик Митиленский — Пелопонесской войны (см., напр. [Строгецкий 2010; Lateiner 1990; Nippel 1996; Blösel 2012; Thomas 2014]). «Отец истории» Геродот (V в. до н.э.) писал уже не об одной войне, а обо всех сражениях, которые вынуждены были вести греки [Геродот 1972]. Но в его «Истории» мы не найдем анализа причин войн, не найдем именно военной мысли; Геродот очень зависим от мифологии, от сказочных преданий. Первым же в строгом смысле военным историком можно назвать его младшего современника — Фукидида, который сам был командующим эскадрой в Пелопонесской войне. Если для Геродота война все-таки беда, то для него — любимое дело. В его «Истории» война предстает уже не как простое событие из жизни Греции, а как мощнейший фактор политики, как искусство не только сокрушать врага, но и достигать государственного блага [Фукидид 1981]. Но самым вдохновенным греческим писателем войны был Ксенофонт (ок. 430—355 до н.э.) В своих произведениях «Киропедия», «Грече-

**Скворцов А.А. КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ВОЙНЕ В ЗАПАДНОЙ МОРАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ И РУССКОЙ ЭТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ XVII—XIX вв.**

ская история», «Анабасис» он выступает не просто как историк, а как стратег [Ксенофонт 1976, 2011]. У него мы впервые находим сравнительный анализ военных достоинств лучших армий того времени (афинской, спартанской, персидской), оценку моральных и технических факторов войны. Однако первые философско-этические рассуждения о войне следует искать только у великих древнегреческих мыслителей. Война не казалась им чем-то ужасным и несправедливым. Более того, по мысли Гераклита — первого философа, уделившего внимание войне, — она не только естественное явление, но укоренена в самом основании мироздания. Под видимой гармонией скрывается постоянная рознь (борьба) противоположных элементов, без которой невозможно сущее:

«Война — отец всего» (fr. 53) [Гераклит Ефесский 1910].

Другой легендарный мудрец Эллады — Эмпедокл — рассматривал вражду как одну из космических эпох, в которую из целого выделились материальные элементы. Сократ же на знаменитом пире, о котором рассказывает Платон, прославляется не только как великий мудрец, но и как доблестный гражданин, трижды с оружием в руках защищавший родные Афины.

Однако честь открытия этики войны как особой дисциплины нравственной философии принадлежит Платону. Он впервые поставил все основные нравственные проблемы войны и указал на пути их решения. В первую очередь отметим его рассуждения о воинских добродетелях. В диалоге «Лахет» Платон дает подробный анализ категории мужества — основной добродетели воина и включает ее наряду с мудростью, рассудительностью и справедливостью в четыре классических эллинских добродетели, одобряемые затем всеми философскими учениями античности. Он же, рассуждая об идеальном государстве, указывает на главное предназначение воинства:

«оно вступит на защиту всего достояния... и будет отражать нападение» [Платон 1994, с. 136], —

и рисует облик как идеального воина —

«...Он яростен, он должен по своей природе... стремиться к мудрости» [Платон 1994, с. 138],

— так и совершенной армии, в которую должны входить в том числе женщины (для помощи воинам) и дети (для освоения боевого искусства). Автор «Государства» считает войну «главным источником частых и общественных бед» [Платон 1994, с. 135], но именно у Платона можно найти первое разделение войн на праведные, ведущиеся ради защиты от внешних врагов, и неправедные — их он называет раздором, — которые происходят между эллинами и ослабляют единое государство. Такое утверждение можно назвать первым в истории разделением войн на гражданские и внешние. Наконец, Платон формулирует и по-своему решает проблему допустимых средств ведения войны:

«Не опустошать страну и не поджигать домов» [Платон 1994, с. 250].

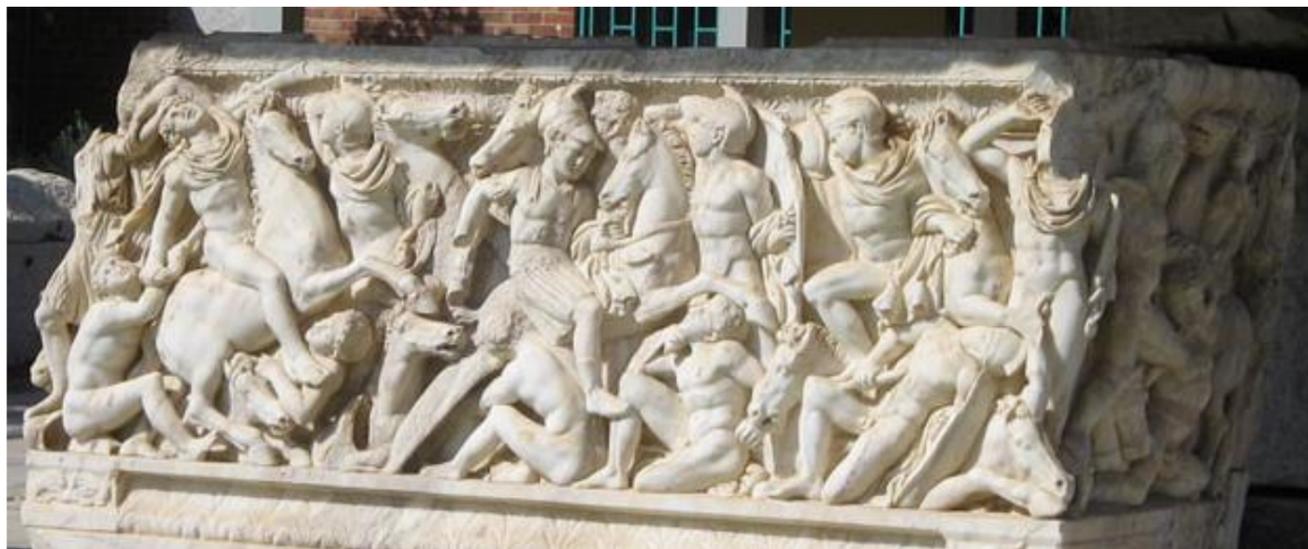
Также не допускается брать противника в рабство и грабить мертвых. Однако все эти запреты действуют по отношению к эллинам, но на варваров они не распространяются.

Следующий великий философ античности — Аристотель — дает определение добродетели мужества как середины между порочными качествами страха и безудержной отваги. Мужественным на войне будет тот, кто «безбоязненно идет навстречу прекрасной смерти» [Аристотель 1998, с. 205]. Автор «Политики» в сравнении с Платоном вносит не много нового в понимание этической природы войны. Она также допустима для защиты своего государства и неприемлема как междоусобная распря. Но проект республики, который строит Аристотель, значительно менее идеалистичен, чем утопия Платона. Это весьма прагматическое учреждение, построенное не на основании надмирных идей справедливости, а на реальных людских интересах. И войны могут в нем вестись не только ради защиты, а с определенными практическими целями: для завоевания рабов, земель и других благ; для усмирения неугодных соседей. Но «конечной целью войны служит мир» [Аристотель 1998, с. 707], мир на новых более выгодных условиях; иначе зачем же начинать войну? Эту мысль Аристотеля затем повторили многие военные мыслители.

Пришедшая на смену эллинистической римская цивилизация на протяжении всего своего существования вела непрерывные войны. Рим вместе с величайшей империей создал неповторимую военную культуру, которой восхищались все великие полководцы. Однако философы не внесли в нее существенного вклада, исключая, возможно, Цицерона, который как юрист и оратор говорил об обязанности защищать свое отечество, о необходимости соблюдать обычаи войны. Римские стоики (Марк Аврелий, Сенека, Эпиктет) также указывали на необходимость воспитания мужества у граждан и рассматривали вооруженную борьбу как удар судьбы, который надо достойно встретить и нести все тяготы военного быта. В значительно большей степени боевую славу великого Рима воспели его историки; многое для понимания нравственной природы войны сделали юристы и ораторы. «Всеобщая история» Полибия (II в. до н. э.), «Югуртская война» Саллюстия, «Записки о галльской войне» Юлия Цезаря, «Римская история» Аппиана (II в. н. э.) и «Анналы» Тацита рисуют грандиозную картину становления великого Рима и расцвета его воинского искусства; в этих произведениях проводится мысль о том, что империя несла мир всем подвластным ей народам. Возможно, нигде больше мы не встретим такого прославления войны, как у римских историков. Гуго Гроций приписывает Тациту выражение, точно выражающее настроение той эпохи: «Война лучше жалкого мира!» [Гроций 1956, с. 553]. Плутархом в «Сравнительных жизнеописаниях» созданы портреты великих полководцев Греции и Рима, прославлена их великая мудрость и политическая прозор-

**Скворцов А.А. КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ВОЙНЕ В ЗАПАДНОЙ МОРАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ И РУССКОЙ ЭТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ XVII—XIX вв.**

ливость. Война есть беда только для побежденных, для победителя она — путь к благам, к государственным должностям, к богатству. Все великие императоры Рима были и выдающимися полководцами — этот факт достаточно характеризует политический строй империи. Юристам и ораторам (Цицерон, Катон Старший, Тиберий Гракх, Муций Сцевола, Юний Брут и др.) древнего Рима мы обязаны многими чеканными формулировками нравственно-философских проблем войны: «победителей не судят», «горе побежденным!», «воюют оружием, а не ядом», «хочешь мира — готовься к войне», «помни войну!», «на войне закон молчит» и т.д.



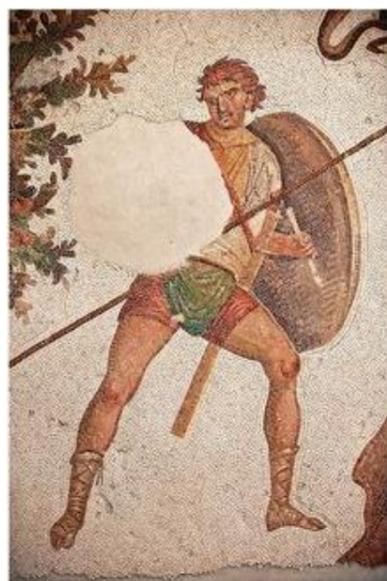
Батальная сцена.  
Римский саркофаг III в. из Ашкелона

Яркие победы римских армий были бы невозможны, если бы римская военно-теоретическая мысль не достигла высочайшего уровня. На многие века, вплоть до позднего Возрождения, трактаты Фронтин «Стратегемы», Онисандра «Наставления военачальникам» и Вегеция «Краткое изложение основ военного дела» стали образцом руководства по вождению войск. Кроме подробных описаний видов построений, маневров, фортификаций и оружия эти авторы большое внимание уделяли духовному состоянию войск.

«Чувство чести, — писал Вегеций, — делает воина наиболее подходящим, чувство долга, мешая ему бежать, делает его победителем» (цит. по [Разин 2000, с. 469]).

В трудах по военному искусству того времени возникает четкое разделение понятий «справедливая война» и «справедливость на войне». Под первой понималась защита государства от нападения или, в крайнем случае, карательный поход против озлобленных соседей. Под второй — запрещение военного коварства, например, нападать внезапно, без объявления атаки, запрет насилия над пленными, мародерства. При этом строгое римское право в разделе, касающемся боевых действий, предписывало воину обладать железной дисциплиной, всегда выполнять приказ, обязательно держать свое слово, даже в отношении врага, чтить погибших.

«Воинским преступлением, — гласили Дигесты Юстиниана, — является все то, что нарушает требования общей дисциплины, как-то: преступная трусость, неповиновение, праздность» [Памятники римского права... 1997, с. 594].



Воины.  
Мозаика VI в. из дворца Юстиниана I



Воин.  
Мозаика из Циппора. Ок. 7 в. н.э.

Важно обстоятельством является постепенное закрепление нравственных требований к войне в системе римского права и превращение их в обязательные для всех участников боевых действий.

**Скворцов А.А. КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ВОЙНЕ В ЗАПАДНОЙ МОРАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ И РУССКОЙ ЭТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ XVII—XIX вв.**

**3.**

Христианская религия, рождавшаяся во времена расцвета военной мощи Римской империи, утверждалась как учение любви и милосердия, которому чуждо насилие и, тем более, война. Но, вместе с тем, христианство проповедует духовную силу, наставляет бороться с грехом. Вся христианская этика войны вращается вокруг единственной антиномии: как совместить божественные заповеди с греховной необходимостью убивать человека на войне? С развитием философско-богословской мысли пришло осознание того, что однозначные прямолинейные ответы здесь неприемлемы. Войну нельзя одобрить, но и нельзя полностью отвергнуть. В Ветхом Завете Бог помогает вести войны еврейскому народу и не наказывает его за нередко проявляемую жестокость. Такие полководцы, как Иисус Навин, Давид, Соломон прославлены как наиболее богобоязненные люди.



Иисус Навин с войском поражает жителей Гая (Нав. 8. 1—28).  
Резная пластина костяной шкатулки. Византия, X в.



Батальные сцены из жизни царя Давида.  
Резная пластина трона Ивана Грозного. XVI в.

В Ветхом Завете впервые появляется понимание поражения в войне как кары за грехи, а победы — как награды за послушание Богу. При этом в Новом Завете и христианской богословской мысли война никогда не считалась благим делом: она есть кара за грехи, расплата за отступление от заповедей, но, с другой стороны, она есть и путь искупления греха через страдание.

Великие Отцы церкви немало потрудились над разрешением нравственного противоречия войны. Сам текст Священного Писания не дает прямого ответа на вопрос, — в нем содержатся лишь косвенные замечания, причем противоречащие друг другу. Сторонники ненасильственного сопротивления злу приводят следующие слова Христа:

- «Не убий» (Мф. 5, 31),
- «Не противься злому» (Мф. 5, 39),
- «Любите врагов ваших» (Мф. 5, 44);

защитники необходимости воевать ссылаются также на Спасителя:

- «Не мир пришел Я принести, но меч» (Мф. 10,34),
- «Если бы от мира сего было Царство Мое, то служители Мои подвизались бы за Меня» (Ин. 18, 36), —

и наиболее часто цитируемое:

- «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15, 13).

При этом Христос не говорит о наступлении вечного мира, а пророчит о войнах:

- «Также услышите о войнах и военных слухах. Смотрите, не ужасайтесь; ибо надлежит всему тому быть» (Мф. 24, 6).

Если так, то каждый христианин должен сам, в зависимости от своего духовного развития решить, как вести себя в отношении войны. У Отцов церкви также нет на это строгого указания, как нет и единства во мнении. Но общую картину христианского святоотеческого взгляда на войну составить можно. Апологеты первых веков, многое претерпевшие от гонителей язычников, проповедовали «мир во Христе» и ненасильственное противостояние властям. Климент Александрийский говорил:

- «...жить в мире — вот высшая справедливость. Научимся владеть оружием мира!» (цит. по [Мир/Peace: Альтернативы войне... 1993, с. 51]).

Но в IV в. христианство становится государственной религией и отныне вынуждено решать непростую проблему вооруженной защиты державы. Размышляя над ней, Отцы строят свою этику войны. Каждый христианин должен вести невидимую брань с грехами и их отцом дьяволом в своей душе. На этом основании построена вся христианская аскетика,

**Скворцов А.А. КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ВОЙНЕ В ЗАПАДНОЙ МОРАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ И РУССКОЙ ЭТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ XVII—XIX вв.**

а ряд произведений о ней так и называется — «Невидимая брань». Если же враг, которого надо любить, применяет насилие лично к христианину, он не должен противиться, но твердо уповать на Бога;

«...У меня одно врачество, один путь к победе, и это — ...смерть за Христа», — говорил Григорий Богослов [Григорий Богослов 1994, с. 55].

Но если враг глумится над верой и церковью, то долг христианина — взять меч и вступить с противником в битву. При этом не надо бояться войны: все происходит по воле Господней, и Бог никогда не дает верующему страданий больше, чем тот может вынести. Но также не следует и прославлять войну; она — всегда зло и посылается в испытание как кара за грехи.

«Для злых война кажется счастьем, добрым же — необходимостью», — учит Августин (цит. по [Гроций 1956, с. 554]).

Во время сражения христианин должен быть совершенным воином: храбрым и послушным начальству, но вместе с тем он не должен применять насилия больше, чем необходимо, не должен быть жестоким с врагами.

«Храбрость без справедливости — есть повод к допущению неправды», — говорит Амвросий Медиоланский [Св. Амвросия, епископа Медиоланского творение... 1995, с. 150].

Убийство на войне есть грех, и то, что оно совершено в священной брани, отнюдь не оправдывает христианина. Но это не значит, что надо уклоняться от этого греха; один из величайших Отцов церкви, Афанасий Великий, говорит, что

«непозволительно убивать, но убивать врагов на брани и законно, и похвалы достойно» (цит. по [Правила Святых отец с толкованиями 1984, с. 114]).

Церковь не только осуждает грехи, но и указывает путь покаяния; Бог прощает тех, кто убивает, не имея злобы в сердце на своего ближнего. Однако оружием христианина должны быть вера и сила духа свою веру утверждать, и не мечом должен быть покорен противник, а Правдой Христовой. При этом Отцы церкви не осуждают воинское ремесло как греховное и не призывают бросить оружия. Они лишь словами из Писания наставляют воинов быть христианами:

«Никого не обижайте, не клеветайте, и довольствуйтесь своим жалованием» (Лук. 3, 14).

Учение Отцов церкви касается не только отдельного христианина, но и государственной политики. Традиция размышления о справедливых и несправедливых войнах переходит в христианскую философию из римского права. Классическими на эту тему считаются III и IV книги произведения Августина «О граде Божьем», где проводится подобное различие. Но если, к примеру, для Цицерона справедливость на войне есть справедливость перед государством и противником, то для Августина — перед Богом. Война, считает Августин, большое зло, мир — «действительно великое благодеяние» [Августин Блаженный 1998, с. 103]. Но случаются времена, когда властители истязают непокорных, например, как некоторые римские императоры христиан. Такой мир неприемлем, ибо «война убивала вооруженных, а он — безоружных» [Августин Блаженный 1998, с. 139]. В данном случае следует встать на защиту церкви и сокрушить преступников:

«Заповеди «не убивай» отнюдь не преступают те, которые ведут войны по велению Божию или... в силу Его законов... наказывают злодея смертью» [Августин Блаженный 1998, с. 35].

Августин повторяет Цицероновское разделение войн на оборонительные и наступательные, но не характер боевых действий определяет их справедливость. Если они предприняты ради грабежа соседей, то это не что иное, как разбой, но если они ведутся ради защиты христиан и церкви от воинственно настроенных еретиков, то такая война — богоугодное дело, т.к. «было бы хуже, если бы люди более несправедливые господствовали над более справедливыми» [Августин Блаженный 1998, с. 164]. И хотя государство как град земной — учреждение временное и порочное, но это не значит, что его не надо защищать от врага, который уничтожает отблеск Града Божьего — Христову церковь. Цель праведной войны — защита мира, ее средство — христоролюбивые воины. Великий систематизатор западного богословия Фома Аквинский, рассматривая проблему оправдания войны, повторяет воззрения Августина, преподнося их в виде следующих тезисов:

«Для того, чтобы война была справедливой, необходимы три вещи. Первая: власть, по приказу которой будет вестись война, является суверенной. Не дело частного лица объявлять войну. Вторая: должна существовать справедливая причина, а именно: те, на кого нападают, подвергаются этому по праву, ибо заслуживают того по причине своей виновности... Третья: надо, чтобы воюющие имели правую цель, дабы они стремились нести добро или же избегали зла» (цит. по [Мир/Peace: Альтернативы войне... 1993, с. 70]).

Говоря о средневековой этике войны, нельзя пройти мимо такого явления, как рыцарство. Оно в некоторой степени стало ответом на вопрос о том, как совместить необходимость войны с христианской совестью. Рыцарь — вершитель Божественной справедливости, защитник слабых и гонимых, слуга Господа и слуга царю. Однако зародившись в эпоху Карла Великого, рыцарство далеко не сразу обрело христианский облик. Ему предстояло пройти долгий путь от антич-

**Скворцов А.А. КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ВОЙНЕ В ЗАПАДНОЙ МОРАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ И РУССКОЙ ЭТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ XVII—XIX вв.**

ного культа героев к идее служения Богу с оружием в руках. Если сравнивать две самые знаменитые рыцарские поэмы «Песнь о Нибелунгах» и «Песнь о Роланде», то в первой, повествующей о событиях V в., мы находим множество языческих влияний: прославление доблести и силы, телесной красоты, мужества и верности и очень мало упоминаний о церкви, о грехе и искуплении греха. «Песнь о Нибелунгах» — это крайне мифологизированное романтическое описание нравов средневекового военного сословия. И совсем другой главный мотив звучит в «Песне о Роланде» — противостояние христиан с их противниками — сарацинами, язычниками, безбожниками. Защита церкви, верность христианскому королю Карлу, любовь к родной Франции, наказание вероломных врагов становятся главными добродетелями ведущей неравный бой дружины Роланда.



Книжные миниатюры, иллюстрирующие эпизоды из «Песни о Нибелунгах»: слева — XIV в., справа — XV в.



Книжные миниатюры, иллюстрирующие эпизоды из «Песни о Роланде»: слева — 1290 г., справа — XIV в.

Для моральной оценки, которая дается в поэме ее персонажам, почти не имеют значения их воинские добродетели; главное — христиане они, или нет. Последние же изображаются крайне порочными людьми.



Византийское войско громит сарацинов в Сицилии. Миниатюра XI в. из рукописи «История Иоанна Скилицы».



Франкские крестоносцы атакуют сарацинов в Святой земле. Миниатюра. Ок. 1200 г.

Обращает на себя внимание также и окончания поэм: героическая гибель нибелунгов, схожая с развязкой греческой трагедии, и торжество над врагами христианской державы Карла Великого.

Рыцарство принимает христианский облик только ко времени создания первых воинско-монашеских орденов. До этого оно было в большей степени явлением военной культуры, чем религиозной, составляя вооруженные силы того времени. И только основанный в 1118 г. орден тамплиеров резко противопоставил себя всему предыдущей рыцарскому движению, обвинив его в грабежах, разбоях и убийствах. Устав ордена, созданный Бернардом Клервосским и одобренный на Соборе в Труа, был похож на монашеский устав. Кроме истинно рыцарских обетов защиты церкви, христианских святынь, благотворительности, гостеприимства, верности клятве и т.д. в него были включены монашеские обеты строгого послушания, бедности, чистоты и воздержания. Только с XII в. начинается то самое, классическое рыцарство, о котором Н.А. Бердяев сказал, что его «мораль аристократизма не может никого угнетать и поработать, — она есть мировое служение, всегда жертвенное» [Бердяев 1994, т. 1, с. 252]. Для рыцарей любая война, санкционированная церковью, была оправдана, любое сражение, ведущееся за христианские святыни — справедливо. Они не могли себе представить иного служения Христу, чем с оружием в руках и иной церкви, которая бы не воевала. Это был одновременно культ силы, но и культ Правды, за которую нужно сражаться. И если монахи-францисканцы давали обет мира, то, к примеру, монахи-госпитальеры — обет защищать мир.

Крестовые походы стали деятельным выражением рыцарского идеала. Их пафос и романтика распространились на всю Европу и толкали даже детей на совершение воинских походов. Но нельзя забывать, что первый поход (1095) был

Скворцов А.А. КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ВОЙНЕ В ЗАПАДНОЙ МОРАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ И РУССКОЙ ЭТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ XVII—XIX вв.

одобрен папой Урбаном II как средство прекращения междоусобных схваток в Европе с тем, чтобы перенаправить агрессию против внешних врагов. В основе крестового похода лежала нравственная идея — установить христианский мир на всей земле, тем самым приблизив Царствие Божие.



Папа Урбан II объявляет крестовый поход на Клермонском соборе. Миниатюра. 1095



Петр Отшельник (Пьер Амьенский) указывает крестоносцам путь на Иерусалим. Миниатюра XIII в.



Король Людовик Святой отправляется в Седьмой крестовый поход в 1248 году. Миниатюра. Начало XIV в. Фрагмент

Предвидя возрастание своего могущества, католическая церковь в своем отношении к войне пошла против всего святоотеческого наследия. Она благословляла войны, хотя Отцы церкви указывали, что благословлять допустимо не войны, а только воинов, занятых столь греховным делом. Она же спешила отпустить грехи своим рыцарям заранее (свидетельством чего являлся нашитый на плече крест), в то время как Отцы призывали воинов к покаянию. Такая этика христианской войны не достигла своей цели: всеобщий мир установлен не был.

4.

Эпоха Возрождения с ее нелюбовью к схоластическому диктату и с ее гуманистическим пафосом, казалось бы, должна осудить религиозные войны. Ярким антимилитаристским настроением отличались произведения Эразма Роттердамского — «Похвала глупости», «Жалоба мира» и «Оружие христианского воина», где речь идет не о мечах и копьях, а о борьбе с грехом.

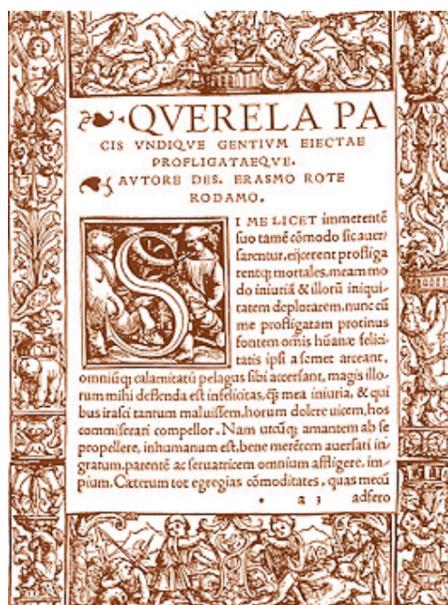
«Война, — писал он, — противна всему сущему: война — первопричина всех бед и зол»; единственный случай, где она оправдана, «когда... начата с согласия всего народа» [Эразм Роттердамский 1963, с. 40, 57],

но все же

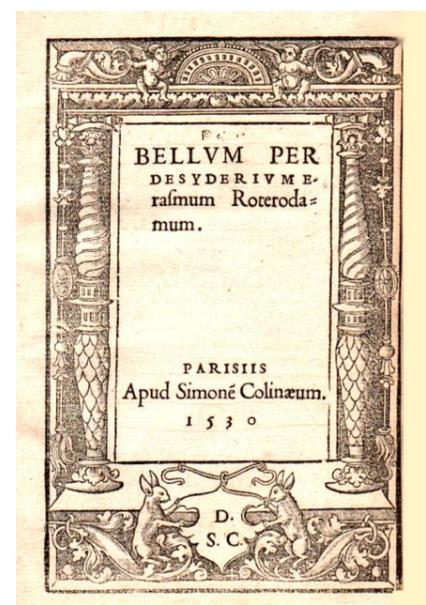
«нет такого худого мира, который был бы хуже самой удачной войны» [Эразм Роттердамский 1963, с. 53].



Эразм Роттердамский (лат. Desiderius Erasmus Roterodamus, нидерл. Gerrit Gerritszoon; 1469 или 1469—1536). Портрет работы Х. Гольбейна младшего. 1523



Первая страница трактата Эразма Роттердамского «Жалоба мира, отовсюду изгнанного и повсюду сокрушенного» (Querela pacis undique gentium eiectae profligataeque). Издание 1516 г.



Титульный лист антивоенного трактата Эразма Роттердамского «Война» (Bellum), написанного на тему пословицы «Война сладка для того, кто ее не пробовал» (dulce bellum inexpertis). Издание 1530 г.

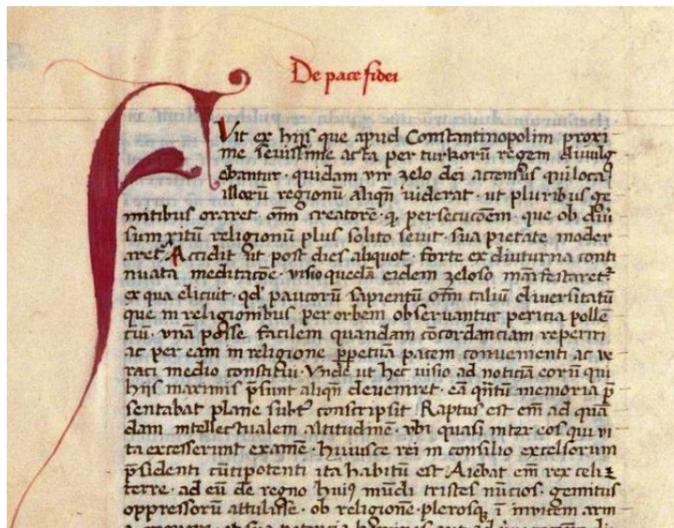
**Скворцов А.А. КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ВОЙНЕ В ЗАПАДНОЙ МОРАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ И РУССКОЙ ЭТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ XVII—XIX вв.**

Философии Джордано Бруно и Николая Кузанского также чуждо вооруженное насилие; Кузанец — автор трактата «О замирении вер». Но кроме гуманистов в эпоху Возрождения творил Макиавелли, представивший в своем «Государе» войну как средство политического давления на противника и создавший произведение «О военном искусстве», которое по сути является переложением творений Вегеция.

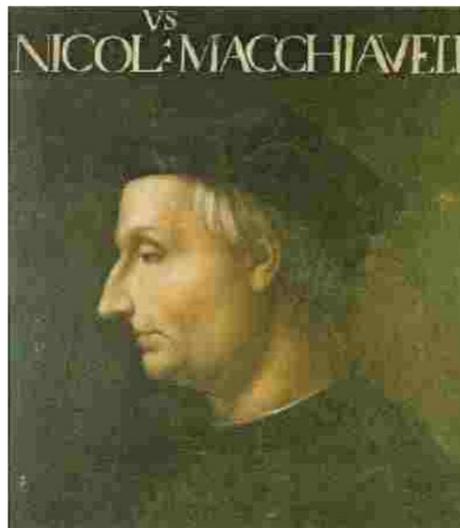
«Не блеск драгоценных камней или золота, а только страх оружия подчиняет себе врагов», — утверждал он [Макиавелли 1998, с. 531].



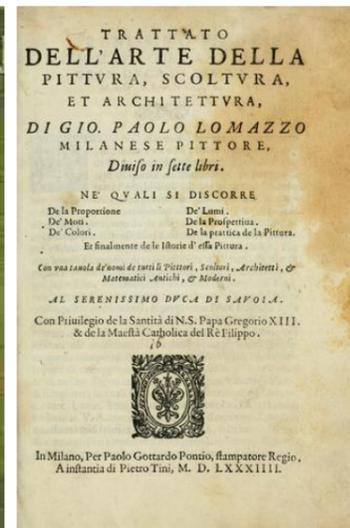
Николай Кузанский (Nicolaus Krebs, лат. Nicolaus Cusanus; 1401—1464). Фрагмент «Распятия с донатором Николаем Кузанским» работы Мастера жития Марии. Ок. 1480



Начало страницы трактата Николая Кузанского «О замирении вер» (De pace fidei, 1453) в авторском рукописном собрании работ Codex Cusanus 219. Начало 1460-х гг.



Никколо Макиавелли (Niccolò di Bernardo dei Machiavelli; 1469—1527). Портрет работы Кристофано дель'Альтиссимо. Вторая половина XVI в.



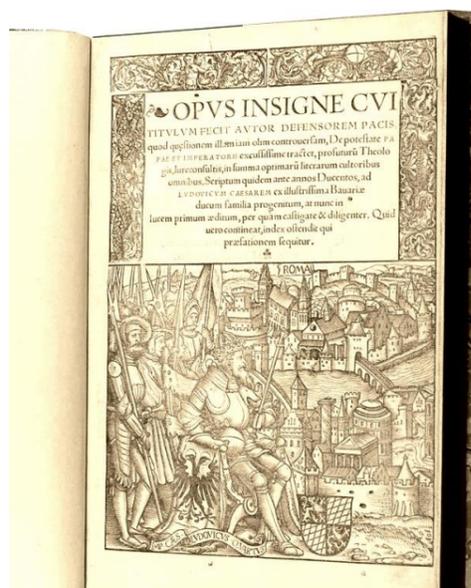
Титульный лист трактата Никколо Макиавелли «О военном искусстве» (Dell'Arte della Guerra, 1519—1520). Издание 1584 г.

Напомним также, что в эпоху Ренессанса войны бушевали не меньше, чем в Средние века.

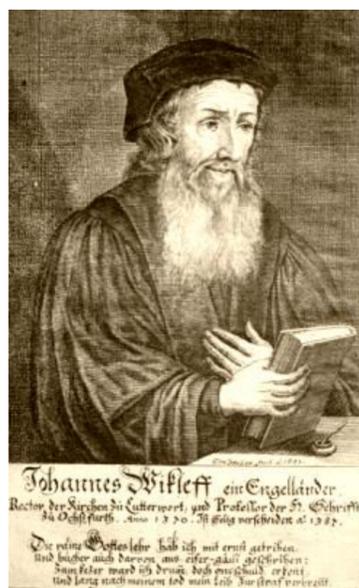
Для этики войны Возрождение интересно тем, что в нем появляются философско-правовые оценки боевых действий. Теперь уже не религиозной санкции ищут мыслители, а именно рационального правового обоснования цели и средств войны. Развивается жанр столь популярных впоследствии, в эпоху Просвещения, трактатов о вечном мире; наиболее известные из них — кроме уже упоминавшейся «Жалобы мира» Эразма Роттердамского, — «Защитник мира» Марсилия Падуанского (1324), «О гражданской власти» Джона Уиклифа (1376—1377) [Levy 2005; Cox 2014], «Военная книга мира» Себастьяна Франка (1539).



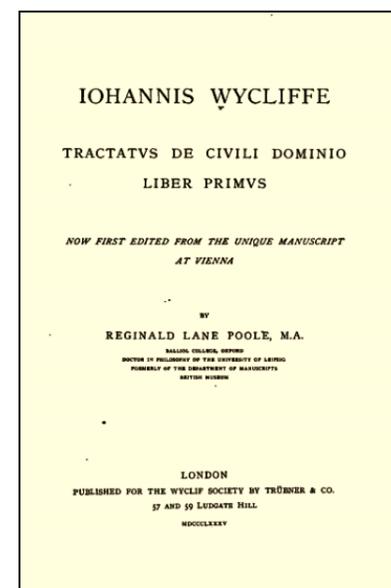
Марсилиус Падуанский (Marsilio или Marsiglio da Padova, лат. Marsilius Patavinus, 1275—ок. 1340). Книжная миниатюра. 1319



Титульный лист трактата Марсилия Падуанского «Защитник мира» (Defensor Pacis, 1324). Издание 1522 г.



Джон Уиклиф или Виклиф (John Wycliffe, Wyclif, Wycliff, Wickliffe; 1320 или 1324—1384), английский богослов, профессор Оксфордского университета, реформатор, предшественник протестантизма. Гравюра работы мастера колледжа Баллиот. Оксфорд. Середина XIV в.



Титульный лист первого тома трактата «О гражданской власти» Джона Уиклифа (De civili dominio, 1376—1377). Лондонское издание 1885 г.

**Скворцов А.А. КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ВОЙНЕ В ЗАПАДНОЙ МОРАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ И РУССКОЙ ЭТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ XVII—XIX вв.**

На рубеже Возрождения и Нового времени появляется множество произведений о военном праве. Так, Бальтазар Айала пишет трактат «О праве войны и военных учреждений» (1528), Пьерино Белли — «О военных делах и войне» (1563), Мишель Л'Опиталь — «Цели войны и мира» (1570), Альберико Джентили — «О праве войны» (1589) и др.



Пьерино Белли (Pierino Belli, 1502—1575), итальянский военный и юрист. Состоял на службе герцога Миланского и Священной Римской империи



Титульный лист (слева) и первая страница (справа) первого издания трактата Пьерино Белли «О военных делах и войне» (*De re militari et bello*, 1563)



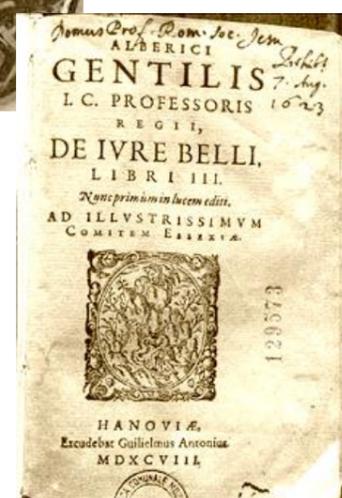
Бальтазар Айала (Baltasar Ayala, 1548—1584), нидерландский и испанский юрист, советник командующего испанской армией в Нидерландах



Титульный лист трактата «О праве войны и военных учреждений» Бальтазара Айалы (*De iure belli et officii bellicis*, 1528). Издание 1597 г.



Альберико Джентили (Alberico Gentili, 1552—1608), итальянский юрист, адвокат, «отец международного публичного права»

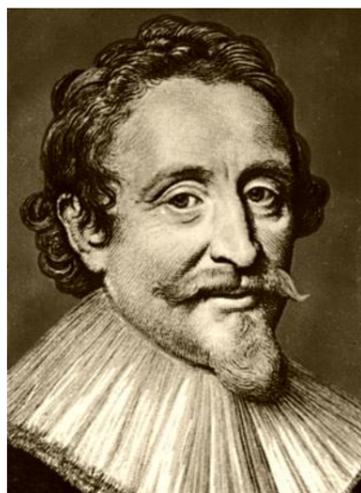


Титульный лист трактата «О праве войны» Альберико Джентили (*De iure belli*, 1589). Издание 1598 г.

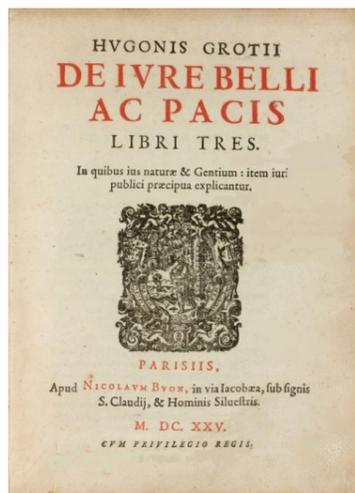
Но самым известным стал трактат Гуго Гроция (1583—1645) «О праве войны и мира» (1625), в котором автор систематизировал едва ли не всю военную мысль античности, средневековья и Возрождения. Данный трактат может сам по себе служить уникальным пособием по философии войны. Для этики чрезвычайно интересна основная проблема, над которой размышляет автор: как совместить христианскую нравственность в отношении войны, источник которой есть наша совесть, и естественное право войны, исходящее из нашего разума? Другими словами, как отстаивать свои политические интересы и при этом оставаться христианами? Изначальный ответ автора таков:

«Я различаю христианскую нравственность и естественное право, будучи убежден в том, что этот священный закон предписывает нам более высокую чистоту, нежели может требовать право, естественное само по себе»

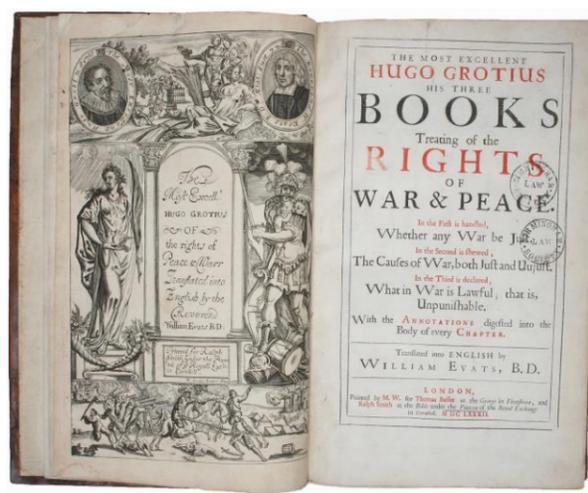
[Гроций 1956, с. 57].



Гуго Гроций (лат. Hugo Grotius; нидерл. Hugo de Groot, 1583—1645). Гравюра по портрету Михеля ван Миервельда. Ок. 1615. Фрагмент



Титульный лист первого издания «Трех книг о праве войны и мира» Гуго Гроция. Париж, 1625 г.



Гуго Гроций. «Три книги о праве войны и мира». Разворот первого полного английского издания Р. Кромвеля. Лондон, 1682.

В вопросе о праведных и неправедных войнах Гроций находится явно под влиянием христианской мысли Августина Блаженного и Фомы Аквинского. Он делит все войны на «торжественные» (справедливые) и «неторжественные», причем под войной понимает «состояние борьбы силой как таковое» [Гроций 1956, с. 68]. Первые могут вестись только от имени верховной суверенной власти и ни в коем случае частными лицами по их произволу. Запрещается также восставать с оружием в руках на власти за исключением совсем уж злобных тиранов, «избранных народом» [Гроций 1956, с. 171]. Целями справедливой войны могут быть три: самозащита, возвращение имущества и наказание «ради отмщения обид». Две

**Скворцов А.А. КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ВОЙНЕ В ЗАПАДНОЙ МОРАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ И РУССКОЙ ЭТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ XVII—XIX вв.**

последних цели предусматривают наступательную войну, и «оправдать ее может только крайняя необходимость или же подлинное человеколюбие» [Гроций 1956, с. 187, 564]. Ее можно начинать против тех, «кто непочтителен к родителям», «кто лакомится человеческим мясом», «кто занимался морским разбоем», «кто жестоко поступает с христианами из-за их веры» [Гроций 1956, с. 489]. При этом нельзя нападать на тех, кто не является христианами. Целями же несправедливых войн будут страсть к покорению народов, жажда славы и власти, стремление к государственной пользе. Но праведная цель недостаточна для признания войны торжественной: надо еще соблюдать правила ведения боевых действий. Здесь у Гроция христианская нравственность временно отступает на второй план и вступает в действие естественное право разума. Автор подробно разбирает всевозможные ситуации, возникающие на войне, и как в них следует поступать. В первую очередь, торжественная война должна официально объявляться, а не начинаться вероломно. Затем, нельзя отравлять воду и оружие, т.е. драться ядами. Но далее выводы автора вызывают недоумение: из IV главы книги третьей мы узнаем, что, оказывается, естественное право допускает хитрые и коварные убийства, взятие заложников, грабежи имущества врага, разрушение зданий, глумление над священными предметами и постройками, мародерство и, наконец, разрешает убивать женщин, детей, стариков, пленных, заложников [Гроций 1956, с. 621—622].

«Естественное право» не противится к тому же обращению пленных в рабство и их потомков навеки, ибо рабство, «не противоречит естественной справедливости» [Гроций 1956, с. 622].

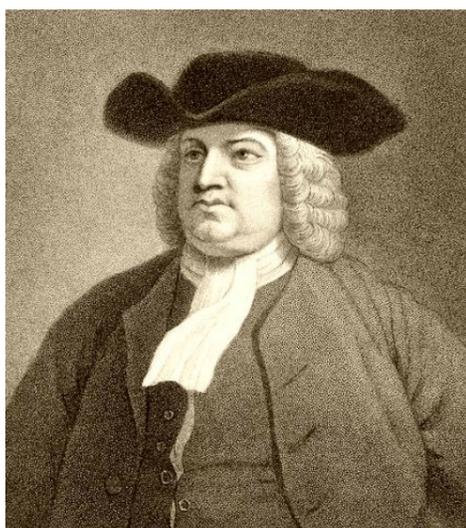
Но как же в таком случае совместить христианские цели войны с откровенно сатанинскими методами ее ведения? Гроций вынужден признать, что «честь бывает выше права, и то, что положено по праву, бывает бесчестно» [Гроций 1956, с. 689]. Выбор все же надо делать в пользу христианской нравственности и в ущерб «праву народов». Отсюда нельзя убивать женщин, детей, стариков, земледельцев, торговцев, пленных и всех невооруженных, особенно священников, нельзя также убивать тех, кто воюет по принуждению и тех, кто не был ни жесток, ни кровожаден [Гроций 1956, с. 699—705]. В заключении Гроций повторяет мысль Августина, что «должно не стремиться к миру ради войны, но вести войну ради достижения мира» [Гроций 1956, с. 824].

Трактаты о праве войны и мира свидетельствовали об отходе этики войны от христианского основания и переход на секулярно-гуманистическую основу. Гуго Гроций пытался их совместить, но наталкивался на сложные противоречия между выгодой и совестью, разумом и верой, моралью и правом. В Новое время разум заявил свои права на все предметы исследования, в том числе и на войну. Христианское оправдание все менее становилось востребованным, а правовое, напротив, надежно вошло в моду. Из многих направлений военной мысли Нового времени для этики важно отметить следующие: развитие гуманистически-правовой традиции, особенно ярко выразившейся в жанре произведений о вечном мире, а также становление систематической философии войны и последовавшая затем милитаризация духа всей Европы.

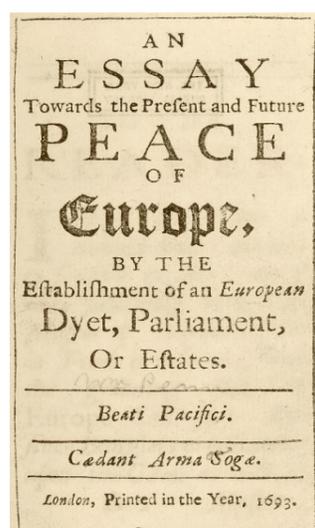
Философия классического европейского рационализма и эпохи Просвещения привнесли в мировую мысль яркий оптимистический пафос. Он выразился как в уверенности на счет неограниченных возможностей человеческого разума, так и в идее непрерывного общественного прогресса. Отсюда нравственное отношение к войне у большинства мыслителей было одним: война противоречит разуму, она есть пережиток варварства и бескультурия, противоречит базовым правам человека и поэтому должна быть как можно скорей истреблена.

В отличие от позднего Возрождения, где ведущие мыслители писали трактаты о праве войны, Новое время занято вопросом об утверждении вечного мира. Он становится мечтой философов, ученых, писателей, и трактаты о нем, ведущие свою историю еще от Средних веков, прочно входят в философскую моду. Классикой этого жанра стали:

— в Англии — «Опыт о настоящем и будущем мире Европы» У. Пенна (1693), «План всеобщего и универсального мира» — часть IV «Принципов международного права» (1786—1789) И. Бентама;



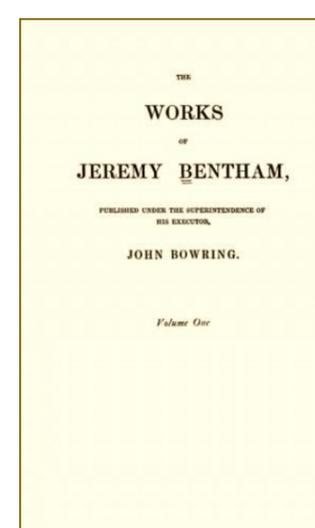
Уильям Пенн (William Penn; 1644—1718), английский религиозный философ, квакер, основатель штата Пенсильвания и его столицы Филадельфия



Титульный лист первого издания «Опыта о настоящем и будущем мире Европы» У. Пенна (An Essay Towards the Present and Future Peace of Europe 1693)



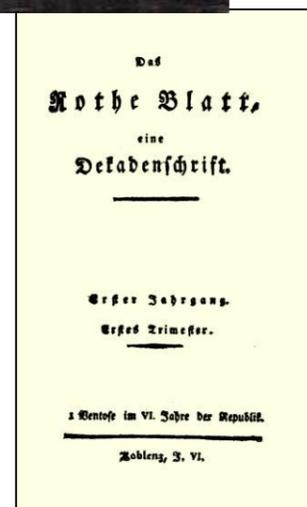
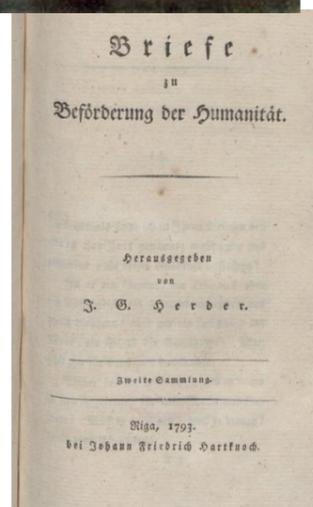
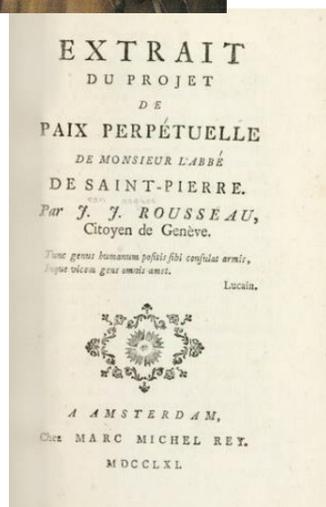
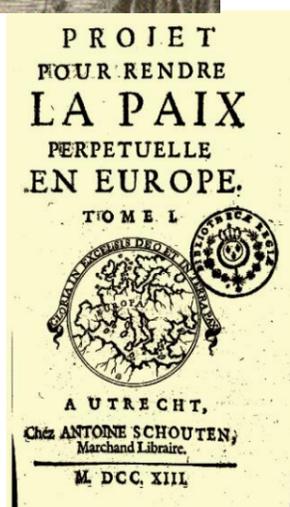
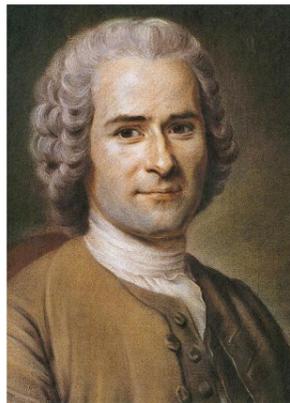
Иеремия Бентам (Jeremy Bentham, 1748—1832), английский философ, социолог, юрист, один из крупнейших теоретиков политического либерализма



Титульный лист первого тома бонувского (1838—1843) издания работ И. Бентама, куда вошла работа «План универсального и вечного мира» (A Plan for an Universal and Perpetual Peace, 1786—1789)

**Скворцов А.А. КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ВОЙНЕ В ЗАПАДНОЙ МОРАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ И РУССКОЙ ЭТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ XVII—XIX вв.**

- во Франции — «Проект вечного мира» (1713—1717) аббата Ш. де Сен-Пьера, «Суждение о проекте вечного мира» (1756—1758) и «Извлечение из "Проекта о вечном мире"» (1761) Ж-Ж. Руссо;
- в Германии — «Письма о поощрении гуманности» И.-Г. Гердера (1793—1797), «Всеобщий мир, идеал» (1798) Й. Герреса и многие другие.



Наверху — Шарль-Ирене Кастель, аббат Сен-Пьер (Charles-Irénée Castel, abbé de Saint-Pierre, 1658—1743), французский публицист. Гравюра середины XIX в.

Внизу — титульные листы первого издания первого тома «Проекта вечного мира» аббата Ш. де Сен-Пьера (Projet pour rendre la paix perpétuelle en Europe, 1713, слева) и его краткого изложения (Abrege du projet de paix perpétuelle, 1729, справа)

Наверху — Жан-Жак Руссо. Портрет работы М.К. де Ла Тура, третья четв. XVIII в.

Внизу — титульный лист первого издания «Извлечения из "Проекта о вечном мире"» аббата Сен-Пьера» Ж.-Ж. Руссо (Extrait du Projet de paix perpetuelle de M. Abbé de Saint Pierre).1761

Наверху — Иоганн Готфрид Гердер (Johann Gottfried Herder, 1744—1803), немецкий философ, историк культуры, поэт. Портрет работы А. Графа. 1785.

Внизу — титульный лист первого издания «Писем о поощрении гуманности» И.Г. Гердера (Briefe zur Beförderung der Humanität). 1793

Наверху — Йозеф Гёррес (Johann Joseph von Görres, 1776—1848), немецкий католический мыслитель, писатель, журналист. Портрет кисти Й.А.Н. Сеттегаста. 1840-е. Внизу — титульный лист издававшегося Й. Герресом журнала «Красный лист», где был опубликован «Всеобщий мир, идеал» (Der allgemeine Frieden, ein Ideal). 1798

Философы-гуманисты, называя войну самым зверским и бесчеловечным явлением, видели ее причины в малой образованности и непросвещенности людей, в жажде славы и богатства погрязших в пороках монархов. Для устранения войн необходимо строить общество на принципах справедливости и гуманности, воспитывать людей в антимиитаристском духе. Война никому не выгодна и приносит одни лишь бедствия, тогда как мир приумножает богатства, ведет общество к процветанию. Чтобы установить вечный мир, недостаточно одной проповеди: необходимо создать своего рода международное правительство, «альянс мира», который бы разрешал споры между государствами и наказывал за милитаристскую политику. Наиболее смелые авторы говорили о всеобщей европейской республике, которая неизбежно приведет к всеобщему миру. Самым знаменитым и влиятельным произведением о всеобщем замирении стал трактат И. Канта «К вечному миру» (1795). Его оригинальность состоит в том, что автор придал ему форму примерного международного договора об окончательном прекращении войн. В нем создатель критической философии сформулировал возможные принципы международного права, касающиеся начала, завершения и правил ведения боевых действий, а также дипломатии.

«Война, — считает Кант, — есть печальное, вынужденное средство в естественном состоянии утвердить свои права силой», а мир «не есть естественное состояние» [Кант 1993, т. 1, с. 365, 371].

Однако цель природы — посредством войны расселить людей по всем уголкам земли и посредством войны же заставить вступать людей в отношения, более или менее регулируемые законами. Так рождается право боевых действий, которое, по мысли Канта, должно привести к их прекращению. Последним антивоенным правовым актом должен стать договор о вечном мире между государствами, включающий в себя следующие условия:

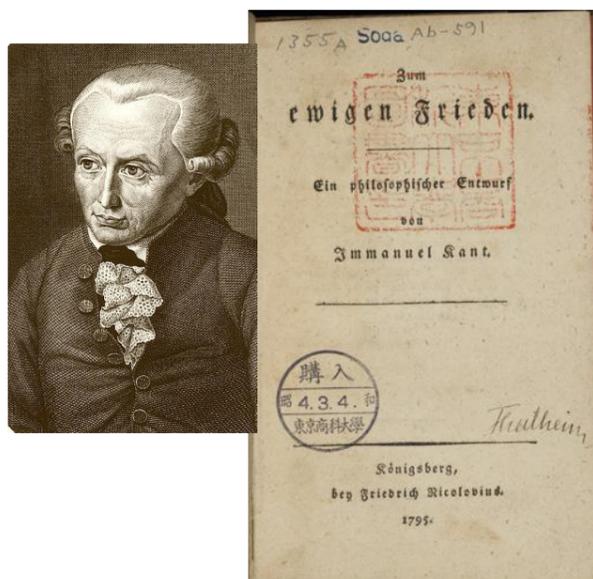
- 1) ни один мирный договор не должен содержать основания для будущей войны;
- 2) «...ни одно... государство не может быть приобретено другим государством...»;

**Скворцов А.А. КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ВОЙНЕ В ЗАПАДНОЙ МОРАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ И РУССКОЙ ЭТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ XVII—XIX вв.**

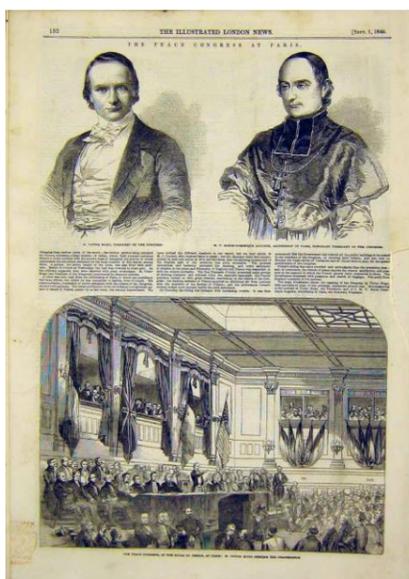
- 3) постоянные армии не должны существовать;
- 4) «государственные долги не должны использоваться для внешнеполитических дел»;
- 5) ни одно государство не должно вмешиваться во внутренние дела другого;
- 6) нельзя во время войны использовать изощренные приемы хитрости и коварства [Кант 1993, т. 1, с. 357—366].

При этом необходимым условием наступления вечного мира должны быть республиканские устройства всех стран, которые со временем перерастут в «федерацию народов». Кант отвергает идею создания единой европейской державы, как на том настаивали мыслители Просвещения. Это привело бы к тому, что сильные государства подчинили бы более слабые. Но все суверенные державы должны быть объединены едиными принципами международного антивоенного права и находится в мире друг с другом.

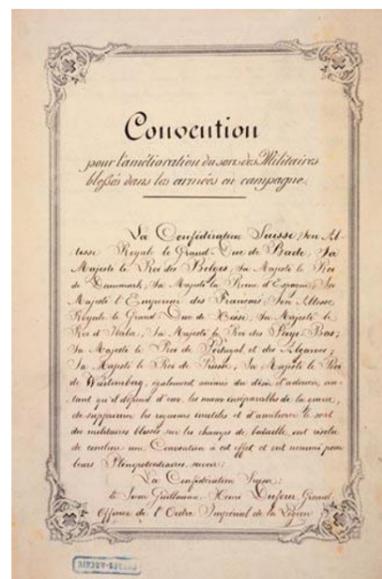
Результатами антивоенных интенций и выступлений в печати ведущих мыслителей Европы стали практические шаги в борьбе за мир. В 1843 г. в Лондоне состоялся первый Всеобщий конгресс мира, в 1848 г. — Международный конгресс пацифистов в Брюсселе. В 1849 г. в Париже под председательством Виктора Гюго открылся второй Всеобщий Конгресс мира (Конгресс друзей всеобщего мира), проходивший под лозунгом: «Философия мира против войны». В 1864 г. правительства ведущих стран Европы подписали первую Женевскую конвенцию «Об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях»; результатом этой конвенции стало создание в том же году организации, известной сегодня под названием «Международный Красный Крест». Первое соглашение об ограничении использования некоторых видов оружия было подписано в Петербурге в 1868 г. и подтверждено на брюссельской конференции в 1874 г.



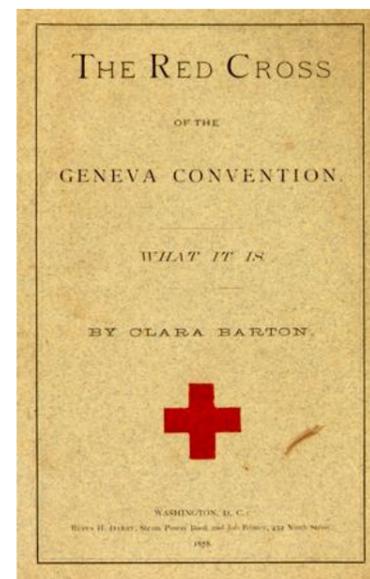
Слева — Иммануил Кант (Immanuel Kant, 1724—1804). Гравюра Г. Шуля, XVIII в. Справа — титульный лист первого издания трактата И. Канта «К вечному миру» (Zum ewigen Frieden, 1795).



Страница лондонской газеты *Illustrated London News* от 1 сент. 1849 г. портретами В. Гюго и архиепископа Парижа М.-Д. Огюста (наверху) и зала заседания Конгресса (внизу)

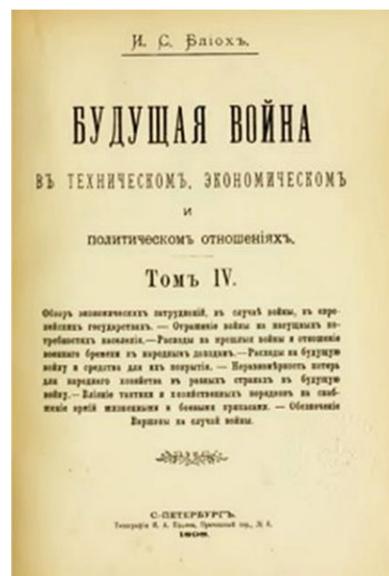


Текст первой Женевской Конвенции 1864 г. «Об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях»



Обложка разъяснительного памфлета «Красный крест Женевской конвенции. Что это такое». 1878 г.

Далее, в 1899 г. по инициативе русского царя Николая II в Гааге прошла конференция, утвердившая конвенцию о законах и обычаях сухопутной войны. Не секрет, что на мирные предложения Императора повлияло шеститомное исследование Ивана Станиславовича Блюха «Будущее войны в техническом, экономическом и политическом отношении» (Петербург, 1898), где доказывалось, что в связи с колоссальным накоплением военных сил в Европе будущая война повлечет за собой невиданные жертвы и расходы; лишь безумец осмелится ее начать, а значит, крупномасштабная война в современном мире исключена.



Слева — Иван Станиславович Блюх (польск. Jan Gotlib Bloch, нем. Johann von Bloch, фр. Jean de Bloch, Ivan Bliokh; 1836—1901), банкир, концессионер железных дорог в Российской империи, меценат.

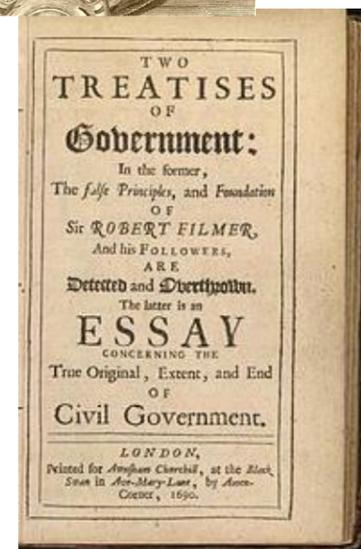
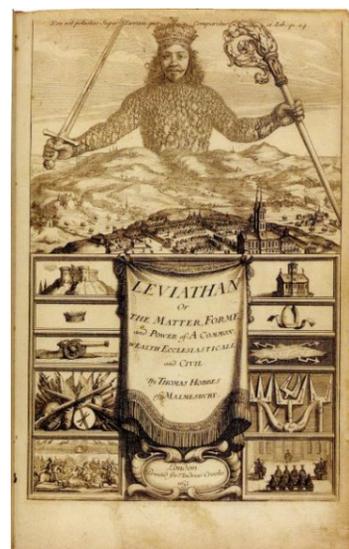
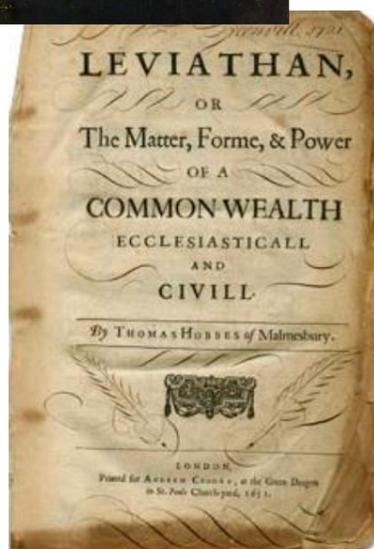
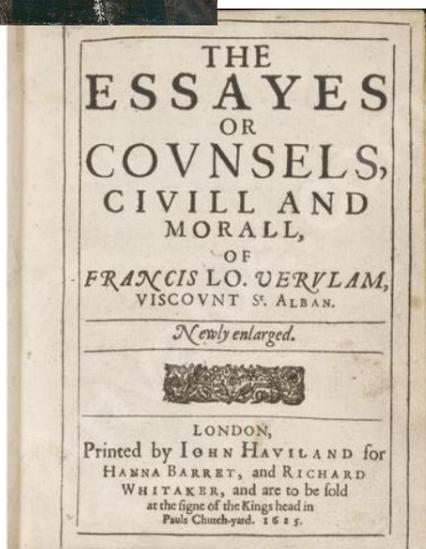
Справа — Титульный лист IV тома труда И.С. Блюха «Будущее войны в техническом, экономическом и политическом отношении», 1898.

**Скворцов А.А. КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ВОЙНЕ В ЗАПАДНОЙ МОРАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ И РУССКОЙ ЭТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ XVII—XIX вв.**

Первая Гагская конвенция включила в себя запрет на использование удушливых газов и летательных аппаратов в боевых целях, запрет на бомбардировки мирных городов, жилищ и строений, а также утвердила принципы гуманного обращения с ранеными и пленными. Конвенцию одобрили все крупные европейские державы, кроме Германии. В 1907 г. II Гагская конвенция подтвердила первую и добавила правила ведения морской войны.

Вместе с практическими шагами по укреплению мира, росло и духовное неприятие войны. Во второй половине XIX в. появляется и укрепляется учение пацифизма, связанное с именами американцев Г. Торо и Л. Мида, не приемлющее никакой войны и осуждающее любое применение оружия. Набирает силу учение о ненасилии как абсолютной норме отношения между людьми и обществами (М. Ганди, Л.Н. Толстой). Казалось бы, серьезная гуманистическая традиция мировой культуры должна была не допустить развязывания мировых войн. Однако иная традиция — милитаристская — была не менее серьезной и философски обоснованной. Трактаты о праве войны и мира XVII в. не могли учесть интересы всех стран.

Так, Англия была не согласна с выводами континентальной юридической мысли об открытом море и праве свободной торговли. Как и ныне, идея объединенной Европы отнюдь не устраивала англичан. Английские философы — Ф. Бэкон, Т. Гоббс, Д. Локк — хотя и признавали необходимость жить по установлениям естественного права, но не желали жертвовать британским преимуществом на море. Томас Гоббс не только развивал мысль о первобытном состоянии войны всех против всех, перешедшей в цивилизованном виде в государство, но и оправдывал колониальные войны.



Наверху — Френсис Бэкон (Francis Bacon, 1st Viscount St Albans, 1561—1626). Портрет работы неизвестного художника. Ок. 1662 г.  
Внизу — Титульный лист первого издания «Эссе о гражданской и моральной жизни» Ф. Бэкона (The Essayes or Counsels Civill and Morall). 1625

Наверху — Томас Гоббс (Thomas Hobbes, 1588—1679). Портрет работы Д. Бэка. Вторая половина XVII в.  
Внизу — титульный лист (слева) и фронтиспис (справа) первого издания трактата «Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского» Т. Гоббса (Leviathan or The Matter, Forme and Power of a Commonwealth Ecclesiasticall and Civil). 1651

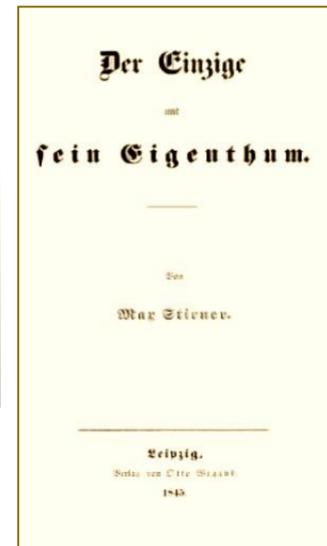
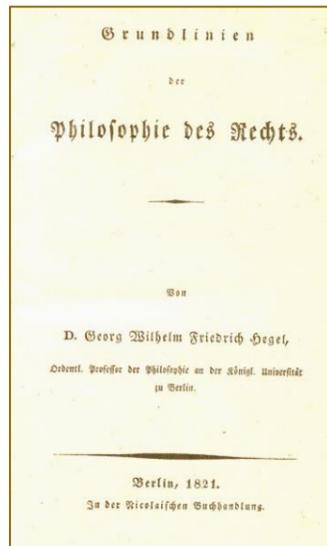
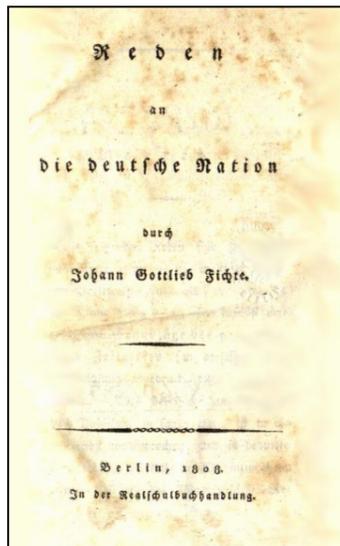
Наверху — Джон Локк (John Locke, 1632—1704). Гравюра из второго издания «Опыта о человеческом разуме». 1700.  
Внизу — титульный лист первого издания «Двух трактатов о правлении» Дж. Локка (Two Treatises of Government). 1690

Франция также была настроено далеко не миролюбиво, Великая Французская революция с ее лозунгом «Свобода, Равенство, Братство» закономерно породила Империю и череду наполеоновских войн.

Но самый сильный всплеск милитаризма внесла в европейскую культуру Пруссия. Став могущественной державой во времена Фридриха Великого, заложившего основы немецкой военной доктрины, будущая Германия явила в век Просвещения целую плеяду великих поэтов, писателей-гуманистов и философов. Но в начале XIX в. страна претерпела страшное унижение от Наполеона. Предстояло снова возродить мощь государства и национальное самосознание. Немалую роль в этом сыграли философы: эпоха гуманистической мысли просвещения, кантианства и романтизма сменяется в немецкой мысли могучей философией духа. Первым движением в этом направлении стали «Речи к немецкой нации» (1808) И.Г. Фихте, призвавшего страну к сплочению и сопротивлению французам. Затем Г.В.Ф. Гегель выступил с апологией войны, сутью которой он считал противоречие между нациями, разрешаемое кровопролитием. Все, что мешает свободному развитию духовных сил человечества, Гегель отвергал. Война же, по его мнению, освобождает от мещан-

**Скворцов А.А. КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ВОЙНЕ В ЗАПАДНОЙ МОРАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ И РУССКОЙ ЭТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ XVII—XIX вв.**

ства, не позволяет людям потонуть в мелочных повседневных интересах, а заставляет следовать их всеобщим народным целям. Она в высшей степени полезна, т.к. «сохраняется нравственное здоровье народов» [Гегель 1934, т. VII, с. 344], и помогает государству самоутвердиться. Эти мысли оказали серьезное влияние на таких крупных немецких идеологов милитаризма, как Мольтке Старший и Клаузевиц.



Слева — Иоганн Готтлиб Фихте (Johann Gottlieb Fichte, 1762—1814). Гравюра И.Ф. Югеля. Конец XVIII—начало XIX вв. Справа — титульный лист первого издания «Речей к немецкой нации» И.Г. Фихте (Reden an die deutsche Nation). 1808

Слева — Георг Вильгельм Фридрих Гегель (Georg Wilhelm Friedrich Hegel, 1770—1831). Гравюра Ф.В. Боллингера. Ок. 1825. Справа — титульная страница первого издания «Философии права» Г.В.Ф. Гегеля (Grundlinien der Philosophie des Rechts). 1821

Слева — Макс Штирнер (Max Stirner, настоящее имя Иоганн Каспар Шмидт, Johann Caspar Schmidt; 1806—1856). Рисунок Ф. Энгельса. 1892. Справа — титульная страница первого издания труда М. Штирнера «Единственный и его собственность» (Der Einzige und sein Eigentum). 1844

Чрезвычайно воинственными выглядят произведения неутомимого защитника эгоизма М. Штирнера, заявившего:

«...гибель народов и человечества будет моим подъемом» [Штирнер 1994, с. 204],

и Ф. Ницше, который утверждал:

«...война и мужество совершили больше великих дел, чем любовь к ближнему» [Ницше 1990, т. 2, с. 34].

Возможно, что при этом автор «Воли к власти» имел в виду больше духовную войну, чем реальную, однако и он, и другие перечисленные выше мыслители Германии оказали огромное влияние на немецкую философию войны в частности и философию войны в целом.

## 5.

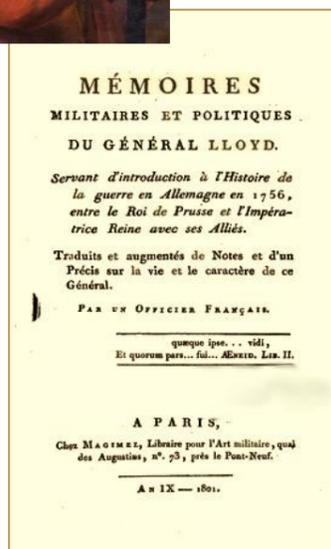
Философские размышления о войне появились в античности, развивались в рамках христианской средневековой мысли и в рамках теории естественного права, но специальная научная философия войны родилась только в конце XVIII в. Причем она появилась не из синтеза христианских и правовых воззрений, один из которых мы рассматривали на примере произведения Гуго Гроция, а пришла совсем с другой стороны — из военно-теоретической мысли и мемуаров. Впервые выражение «философия войны» появляется в книге «Военные и политические мемуары» (1801), принадлежащей перу Генри Ллойда (1720—1783), написанной по-французски и изданной, как видно, после смерти автора. Ллойд, валлиец по национальности, был офицером и успел послужить во всех ведущих европейских армиях. Свои незаконченные мемуары он посвятил описанию событий Семилетней войны (1756—1763), в которой участвовал на стороне Пруссии. Но вместе с воспоминаниями он изложил свои взгляды на стратегию как на положительную науку, которая должна основываться на науках политической и экономической. Исследование комплекса причин войн, методов ее ведения, общей ее цели и смысла он назвал «философией войны».

Чуть раньше Ллойда свой труд «Дух новейшей военной системы» (1798) опубликовал один из классиков военной литературы А.Д.Г. фон Бюлов. В своем трактате он развил принципиально иное учение о стратегии, чем, например, Фридрих Великий. Отныне под стратегией понимается не искусство вести сражение, а наука вести политику, целиком подчиненную войне. Бюлов показал взаимное влияние милитаризма и всех сфер общественной жизни, вплоть до семьи, изящных искусств и морали.

Наконец, еще один знаменитый немец, Карл Клаузевиц (1780—1831) в произведении «О войне» (издана в составе семитомного собрания сочинений в 1832—1834 гг.) провел прочную, почти никем не подвергаемую сомнению, связь между войной и политикой.

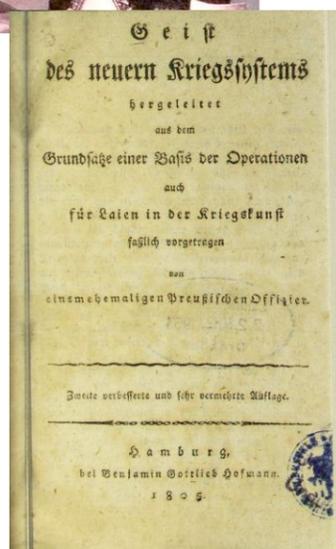
«Война, — писал он, — есть не что иное, как продолжение государственной политики иными средствами»; «не что иное, как расширенное единоборство» [Клаузевиц 1996, с. 27, 34].

Скворцов А.А. КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ВОЙНЕ В ЗАПАДНОЙ МОРАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ И РУССКОЙ ЭТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ XVII—XIX вв.



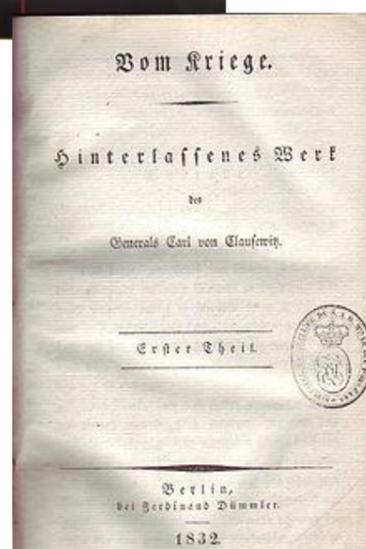
Наверху — Генри Хэмпфри Эванс Ллойд (Henry Humphrey Evans Lloyd, 1718—1783), английский военный писатель, теоретик и историк. Портрет работы неизвестного художника. 1773.

Внизу — титульный лист первого издания труда Г. Ллойда «Военные и политические мемуары Генри Ллойда, служащие введением к истории войны в Германии в 1756 году между королем Пруссии и императрицей-королевой с ее союзниками» (*Mémoires militaires et politiques du Henri Lloyd: Servant d'introduction à l'Histoire de la guerre en Allemagne en 1756, entre le Roi de Prusse et l'Impératrice Reine avec ses Alliés*). 1801



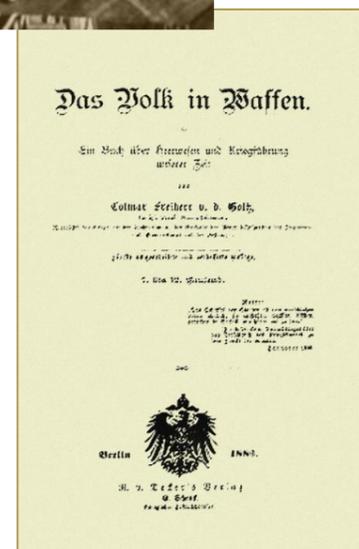
Наверху — барон Адам Дитрих Генрих фон Бюлов (Adam Dietrich Heinrich Freiherr von Bülow; 1757—1807), прусский военный публицист, военный теоретик, обосновавший термин «стратегия» и давший разделение стратегии и тактики.

Портрет работы неизвестного художника третьей четверти XVIII в. Фрагмент.  
Внизу — титульный лист трактата А.Д.Г. фон Бюлова «Дух новейшей военной системы» (*Geist des neuern Kriegssystems*, 1798). Издание 1805 г.



Наверху — Карл Филипп Готтлиб фон Клаузевиц (Carl Philipp Gottlieb von Clausewitz, 1780—1831), полковник русской армии, генерал-майор прусской армии, военный писатель, военный теоретик. Портрет работы К.В. Ваха. 1799 г.

Внизу — титульный лист первого издания трактата «О войне» К. фон Клаузевица (*Vom Kriege*, 1832)



Наверху — Кольмар фон дер Гольц (Colmar von der Goltz, 1843—1916) — прусский генерал-фельдмаршал, преподаватель Военной академии, реорганизатор и фактический руководитель военными действиями турецкой армии в Первую мировую войну.

Внизу — титульный лист первого издания трактата К. фон дер Гольца «Вооруженный народ» (*Das Volk in Waffen*, 1883)

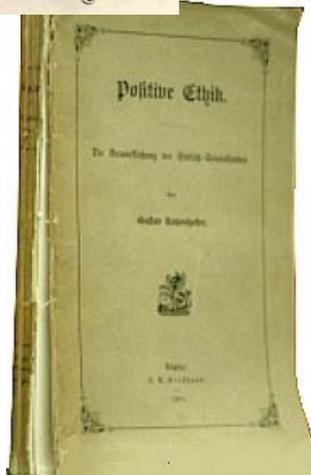
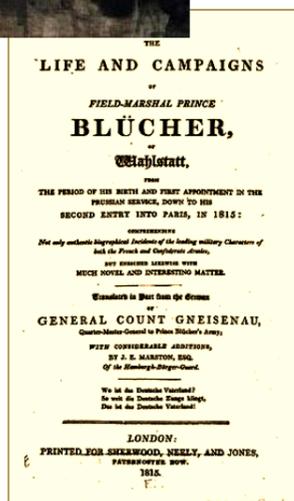
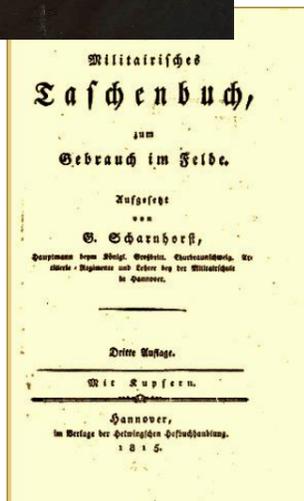
Проанализировав ход наполеоновских войн, Клаузевиц понял, что войны есть уже не противостояние армий, а борьба целых государств и обществ. Побеждает тот, кто может собрать наибольшее количество материальных, интеллектуальных, духовных средств.

«Введение же в философию самой войны принципа ограничения и умеренности, — считал он, — представляет полный абсурд» [Клаузевиц 1996, с. 36].

Исходя из этого, Клаузевиц развил учение о «тотальной войне», цель которой — истощить силы противника, сломить его волю к сопротивлению. Подобный «панмилитаризм» ознаменовал собой исчезновение с военно-исторической сцены небольших профессиональных армий и появление вооруженных народов, — что отметит в 1883 г. прусский генерал-фельдмаршал Кольмар фон дер Гольц, в книге с говорящим названием «Вооруженный народ» обосновывая идею тотальной войны и массовой германской армии.

Таким образом, философия войны, как учение о месте, причинах и роли боевых действий в обществе и истории, как наука о взаимоотношении войны и остальных сфер общественной жизни, родилась из немецкой военно-стратегической мысли. Ее моральным пафосом стало подчинение государства военной политике, воспитание воинственного поколения. В Пруссии линию оправдания и возвеличивания войны как средства возрастания силы в своих произведениях развивали генералы Шарнхорст, Гнейзенау, Людендорф, Ратценхофер и, наконец, самый яркий идеолог немецкого милитаризма — Хельмут Карл фон Мольтке, прямо говоривший о цивилизующей роли войны. Под влиянием таких идей униженная и разгромленная Наполеоном Пруссия постепенно набирает военную мощь, побеждает последовательно Данию (1863), Австрию (1866), Францию (1870—1871) и становится могущественной Германией, готовой начать мировую войну.

Скворцов А.А. КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ВОЙНЕ В ЗАПАДНОЙ МОРАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ И РУССКОЙ ЭТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ XVII—XIX вв.



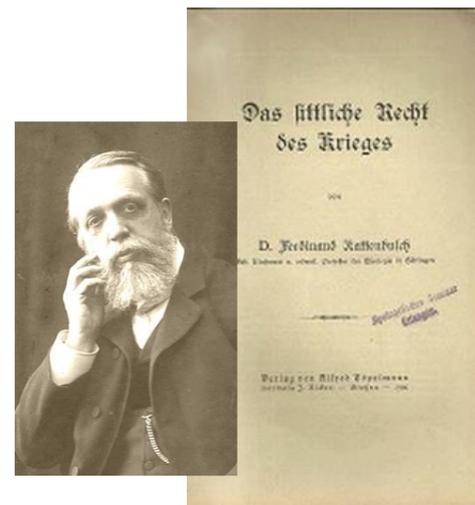
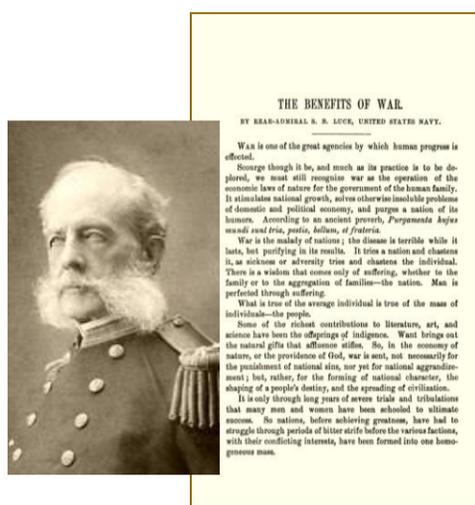
Наверху — Герхард Иоганн Давид фон Шарнхорст (Gerhard Johann David von Scharnhorst, 1755—1813), прусский генерал, военный реформатор. Портрет кисти И.Ф. Бури. 1810. Фрагмент. Внизу — титульный лист труда Г. фон Шарнхорста «Военная карманная книга для полевых условий» (Militärisches Taschenbuch zum Gebrauch im Felde). 1815 г.

Наверху — граф Август Вильгельм Антон Нейтхардт фон Гнейзенау (1760—1831), прусский генерал-фельдмаршал, военный реформатор. Портрет кисти Дж. Доу. 1818. Внизу — титульный лист труда А. фон Гнейзенау «Жизнь и сражения фельдмаршала князя Блюхера» (The Life and Campaigns of Field-Marshal Prince Blücher, Лондон, 1815, на английском языке)

Наверху — Густав Ратценхофер (Gustav Ratzenhofer, 1842—1904), австрийский философ и социолог, фельдмаршал-лейтенант. Внизу — обложка первого издания трактата Г. Ратценхофера «Позитивная этика: осуществление морально-должного» (Positive Ethik: die Verwirklichung des Sittlich-Seinsollenden, 1901)

Наверху — граф Хельмут Карл Бернхард фон Мольтке, Мольтке Старший (Helmuth Karl Bernhard von Moltke, 1800—1891), прусский генерал-фельдмаршал, генерал-фельдмаршал русской армии (1872), военный теоретик. Фрагмент. Внизу — фронтиспис и титульный лист первого тома «Собрания сочинений и мемуаров Х.К. фон Мольтке» (Gesammelte Schriften und Denkwürdigkeiten des General Feldmarschalls Grafen Helmut Von Moltke). 1892

Конец XIX — начало XX вв. отмечено непрерывными войнами. За 20-летний период с 1898 по 1917 гг. произошло 52 вооруженных конфликта и войны [Локальные войны... 1980, с. 52], самыми крупными из которых стали англо-бурская (1898—1902), американско-испанская (1898), русско-японская (1904—1905), вторая балканская (1912—1913) и, конечно же, Первая мировая (1914—1918). Многие исследования проблем войны, написанные в этот период, создавались под впечатлением от роста военной мощи ведущих индустриальных держав. Характерны сами названия произведений: «Польза войны» (С. Люче, 1891), «Дух современной войны» (серия стратегических этюдов А. Бонналя, 1903—1906), «Моральное право войны» (Ф. Каттенбуш, 1906), «Германия и ближайшая война» и «Современная война» (Ф. Бернгарди, обе работы — 1912),



Слева — Стивен Люче (Stephen Bleecker Luce 1827—1917), адмирал флота США, основатель и первый президент Военно-морского колледжа. Справа — первая страница статьи С. Люче «Выгоды войны» (The Benefits of War) в журнале «Северо-американское обозрение» (North American Review, 1891)

Слева — Фридрих фон Бернгарди (Friedrich Adolf Julius von Bernhardt, 1849—1930), прусский генерал от кавалерии, военный писатель и историк. Справа — титульный лист трактата Ф. фон Бернгарди «Германия и ближайшая война» (Deutschland und der nächste Krieg, 1913)

Слева — Анри Бонналь (Guillaume Auguste Balthazar Eugène Henri Bonnal; 1844—1917), французский генерал, военный историк и тактик. Справа — титульный лист первого издания этюда А. Бонналя «От Росбаха до Ульма» (De Rosbach à Ulm, 1903) из серии «Дух современной войны» (L'esprit de la guerre moderne)

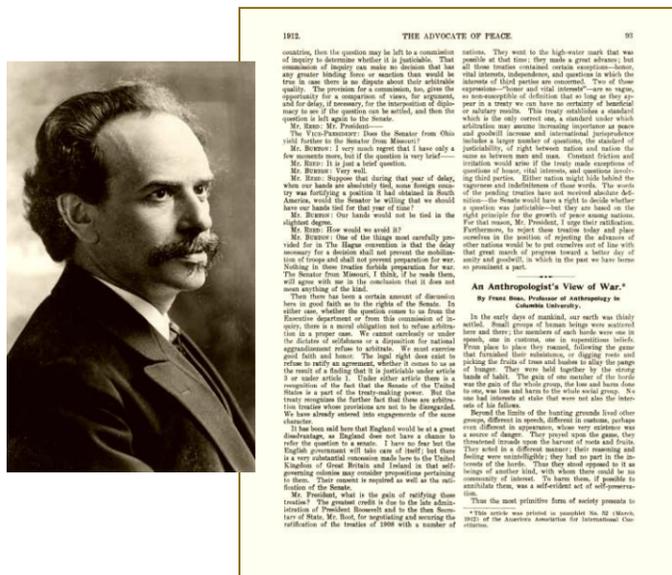
Слева — Фердинанд Каттенбуш (Ferdinand Kattenbusch, 1851—1935) — немецкий протестантский теолог, профессор систематического богословия в Гиссене, Геттингене и Галле. Справа — титульный лист трактата Ф. Каттенбуша «Моральное право войны» (Das sittliche Recht des Krieges. 1906)

**Скворцов А.А. КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ВОЙНЕ В ЗАПАДНОЙ МОРАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ И РУССКОЙ ЭТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ XVII—XIX вв.**

«Взгляд антрополога на войну» (Ф. Боас, 1912), «Апология войны» (Р. Мюллер, 1912), «О социологии и философии войны» (О. Шпанн, 1913)<sup>2</sup>, «Происхождение и сущность современной мировой войны» (М.Х.Й. Шунмакерс, 1914) и многие другие.

<sup>2</sup> Роберт Мюллер (Robert Müller, 1887—1924) — австрийский экспрессионист, прозаик и поэт, автор эссе культурно-философского содержания, издатель.

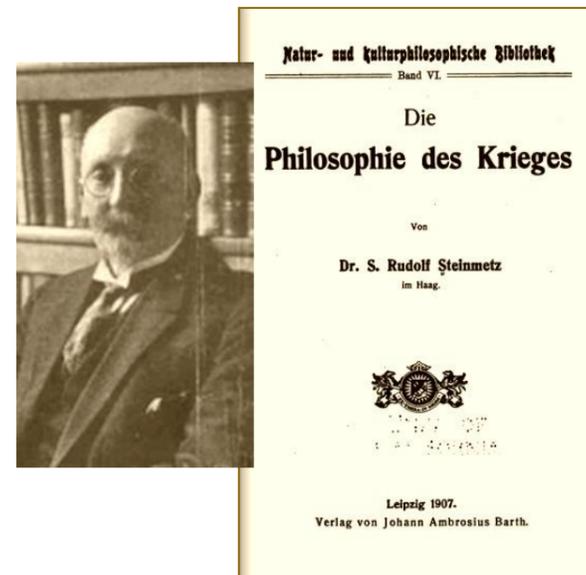
Отмар Шпанн (Othmar Spann, 1878—1950) — австрийский экономист, социолог и философ-идеалист; младоконсерватор. (Прим ред.).



Слева — Франц Боас (Franz Boas, 1858—1942), американский антрополог, лингвист и естествоиспытатель, один из основателей современной антропологии.  
Справа — страница журнала «Адвокат мира» (Advocate of Peace) со статьей Ф. Боаса «Взгляд антрополога на войну» (An Anthropologist's View of War, 1912)



Слева — Матьё Хубертус Йозефус Шунмакерс (или Схунмакерс, Mathieu Hubertus Josephus Schoenmaekers, 1875—1944) нидерландский математик и философ.  
Справа — титульный лист первого издания работы М.Х.Й. Шунмакерса «Происхождение и сущность современной мировой войны» (Oorsprong en wezen van den modernen wereldoorlog, 1914)



Слева — Себальд Рудольф Штейнметц (Sebald Rudolph Steinmetz, 1862—1940), нидерландский этнограф и социолог.  
Справа — титульный лист первого издания «Философии войны» С.Р. Штейнметца (Die philosophie des Krieges, 1907)

В числе работ, написанных в этот период и получивших наибольшую известность, следует назвать книгу нидерландского социолога С.Р. Штейнметца «Философия войны» (1907). Это классическое произведение по данной тематике, ибо автор пытается рассмотреть взаимное влияние войны и истории, политики, экономики, морали, искусства, других сфер культуры. Но, вместе с тем, эта книга есть классическая апология войны. Штейнметц замечает, что при рассмотрении войны, как правило, обращают внимание только на ее отрицательные явления и совсем игнорируют положительные стороны. Но философия не может быть в плену у подобного «сентиментализма», она должна объективно рассмотреть явление. Среди проблем, которые она должна решать, автор называет следующие: исследование предпосылок войны, указание на ее хорошие и дурные стороны, ее связь с политической отсталостью и отсутствием свободы, открытие «существенной и вечной функции войны», задачи мирных конгрессов и т.д. [Штейнметц 1915, с. 18—20]. Вооруженная борьба, по мысли Штейнметца, сыграла важнейшую роль в развитии человека и общества:

«Человек... должен был прибегать к насилию, чтобы выжить в борьбе за существование, должен был вести войну, и именно этим он должен был подняться на высшую ступень развития» [Штейнметц 1915, с. 51]. \

Вместе с тем, в нашем мире «везде есть немало старого и гнилого, а война — лучшая для этого метла» [Штейнметц 1915, с. 98]. Если бы она была действительно величайшей глупостью, как полагают разного рода гуманисты, и несла лишь один вред, то войну бы никто не вел. На самом деле, ее положительные стороны превосходят отрицательные: во-первых, без войны не было бы государств; во-вторых, она есть крайнее и величайшее напряжение всех сил общества, которое необходимо для полноценной социальной жизни:

«Без войны гложет деятельность государств! Действительное упразднение войны было бы первым симптомом смерти» [Штейнметц 1915, с. 193];

в-третьих, она рождает величайшие нравственные чувства патриотизма, единения перед общей бедой, готовности к самопожертвованию:

«Требование великих жертв создает любовь, а любовь дает счастье» [Штейнметц 1915, с. 193].

Наконец, война есть мировой суд, который осуществляет высшую справедливость: она уничтожает все слабое и ветхое, утверждая все сильное и жизнеспособное. Те народы, которые хорошо понимают пользу войны и могут приспособить ее к

**Скворцов А.А. КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ВОЙНЕ В ЗАПАДНОЙ МОРАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ И РУССКОЙ ЭТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ XVII—XIX вв.**

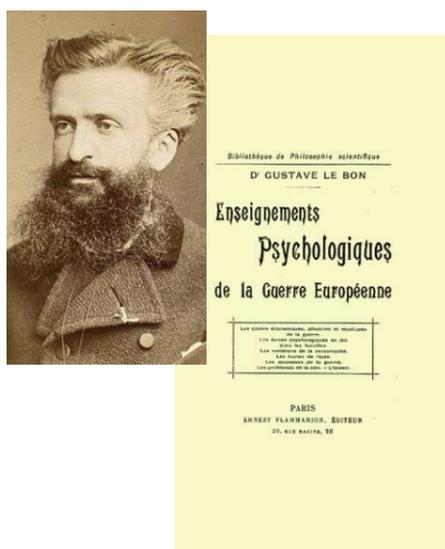
собственным целям, будут всегда побеждать. Нет ничего более великого, чем победа:

«Представьте себе, — поет автор гимн милитаризму, — как приятно почувствовать себя красивее, учнее, богаче, здоровее, сильнее, образованнее других!» [Штейнметц 1915, с. 143].

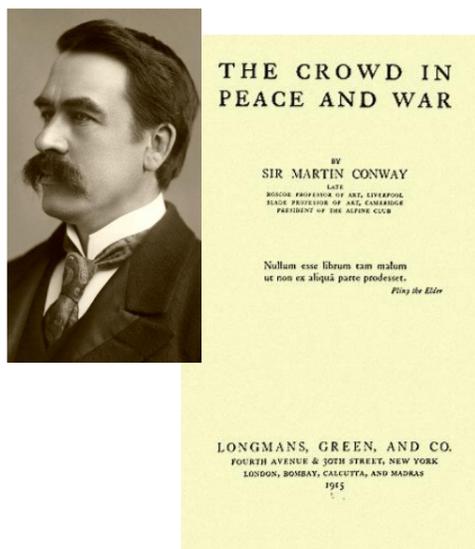
Эти размышления, проникнутые пафосом творений Фридриха Ницше, были очень характерны в предвоенные годы. Но если у других авторов они объясняются националистическими настроениями, в плену которых находилась вся Европа, то Штейнметц прославляет войну сам по себе, без обращения к какой-либо нации.

К началу XX в. нравственное обоснование войны на Западе кардинально изменилось. Если философы Средних веков призывали воевать за Правду Христову против отступников, а Возрождение и Просвещение — за международное право мира, диктуемое нам естественным разумом, то отныне религиозные и рационально-правовые мотивы в философской военной мысли почти никак не выражены. Война оправдывается необходимостью национального возрождения, духовного подъема, без которого общество засыпает и во сне деградирует, освобождения от эгоизма, портящего душу человека. Ф. Ницше, О. Шпенглер, Ф. Бернгарди, Э. Юнгер говорили о благотворном действии опасности и вражды на творческие силы индивида. Такое оправдание можно назвать, как ни странно, гуманистическим, ибо оно по-своему понимало путь возвышения человека над его современным состоянием. В то же время многие идеологи войны больше не утруждали себя никакими нравственными аргументами в пользу милитаризма. Ими открыто признавалось, что война есть выгодное политическое и экономическое предприятие, служащее возрастанию могущества государства. Не нужно искать никаких морально-мистических причин: война — способ выживания, а не орудие справедливости. Интересно, что Первая мировая война лишь усилила подобные настроения, особенно в Германии, где расцвел фашизм. Откровенно расистскими убеждениями проникнуты писания духовных отцов, вдохновителей и идеологов Третьего рейха Штегемана («Военные песни», 1814), Пихта («Крест и война», 1917; «По ту сторону пацифизма и национализма», 1932; «Военный человек», 1940), Людендорфа («Ведение войны и политика», 1921; «Тотальная война», 1935), Розенберга («След еврея в перемене эпох», 1920; «Идея народного государства», 1924; «Кровь и честь: борьба за немецкое возрождение», 1940) и др.

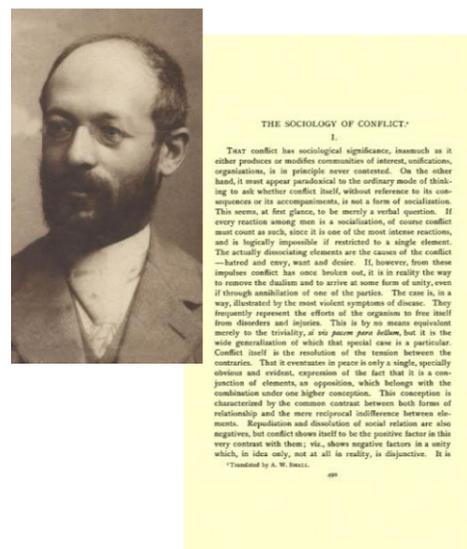
Мировые войны дали философии богатую пищу для размышления. Стало ясно, что война — это опаснейшее явление, способное уничтожить человечество. Отсюда и ее исследование должно касаться всего комплекса причин, движущих сил, логики возникновения и развития. Поэтому все гуманитарные науки принялись изучать военную проблематику. Появляется военная психология как раздел психологии коллективной в трудах Лебона «Психологическое просвещение европейской войны» (1915, в английском переводе 1916 г. — «Психология великой войны», в 2006 г. переиздана в Париже под названием «Психология войны») и «Первые последствия войны» (1917), Конвея «Толпа времен мира и войны» (1915), Элтинге «Психология войны» (1915), Патрика «Психология войны» (1915). Также ведется исследование агрессии как важнейшей составляющей психики человека и путей защиты от нее — Фрейд и психоанализ, О. Бинсвангер (в 1914 выпустивший свое исследование «Психологические последствия войны»), Холл («Мораль на войне и после», 1919), Лоренц, Сторр, Монтагю. Рождается военная социология — наука об отношении общества к войне, основателями которых можно по праву назвать Тарда («Социальные оппозиции: война», 1897), Зиммеля («Социология конфликта», 1904) и Шумпетера («Социология империализма», 1919).



Слева — Гюстав Лебон (Gustave Le Bon; 1841—1931), французский психолог, социолог, антрополог и историк. Справа — титульный лист первого издания труда Г. Лебона «Психологическое просвещение европейской войны» (Enseignements psychologiques de la guerre européenne (1915)



Слева — сэр Уильям Мартин Конвей (William Martin Conway, 1st Baron Conway of Allington 1856—1937), английский историк искусств, политик, картограф и альпинист. Справа — титульный лист первого издания труда У.М. Конвея «Толпа времен мира и войны» (The Crowd in Peace and War, 1915)



Слева — Георг Зиммель (Georg Simmel, 1858—1918), немецкий философ и социолог. Справа — первая страница статьи Г. Зиммеля «Социология конфликта» (The Sociology of Conflict) в «Американском журнале социологии» (American Journal of Sociology, 1904)



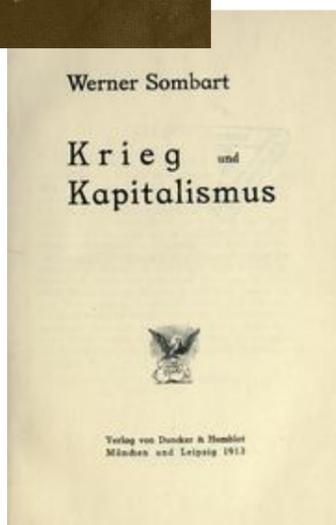
Слева — Йозеф Алоиз Шумпетер (Joseph Alois Schumpeter, 1883—1950), австрийский и американский экономист, политолог, социолог и историк экономической мысли. Справа — обложка первого издания «Социологии империализма», (Zur Soziologie der Imperialismen, 1919)

**Скворцов А.А. КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ВОЙНЕ В ЗАПАДНОЙ МОРАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ И РУССКОЙ ЭТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ XVII—XIX вв.**

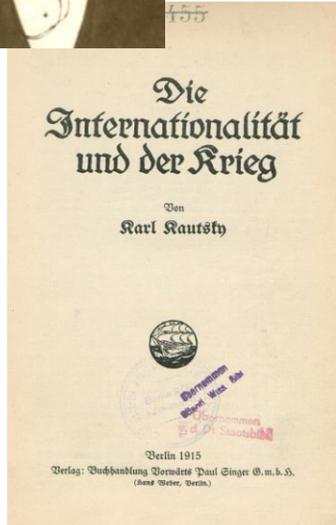
Ведутся исследования политэкономической основы войны под влиянием марксизма — назовем такие работы, как «Война и капитализм» (1913) и «Экономика и война» (1915) Зомбарта, «Последствия войны» Иордана (1914), «Интернационализм и война» Каутского (1915).

Развиваются военная статистика, педагогика, история. В рамках социологии формируется специальная наука о войне — «полемология» (Г. Бутуль, Б. Реллинг, Ф. Форнари), изучающая вооруженное насилие как инструмент внешней политики государств.

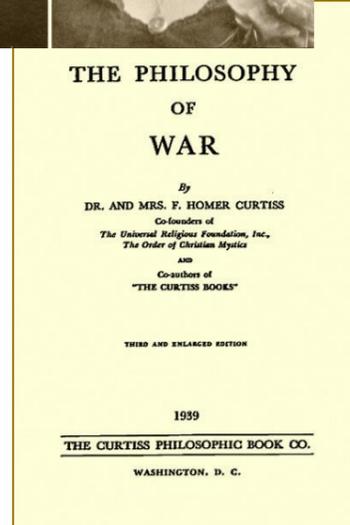
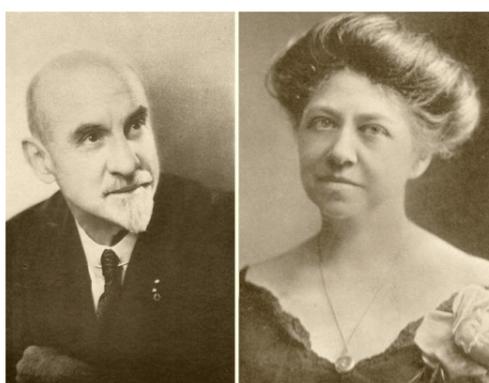
Наконец, необходимо отметить фундаментальные философские труды о войне, претендующие на целостное постижение феномена. В отличие от первой половины XIX в., под философией войны отныне понимается не исследование базовых принципов стратегии, а поиск метафизических, социальных, антропологических оснований воинственности как таковой и пути ее устранения либо перевода в иное, более мирное русло, чем боевые действия. Классическими трудами по этой теме стал двухтомник Куинси Райта «Изучение войны» (Чикаго, 1942), работы оккультистов супругов Куртисс «Философия войны» (Вашингтон, 1939) и теолога Кнудсона «Философия войны и мира» (Нью-Йорк, 1947), сборник под редакцией Леона Бремсона и Джорджа В. Готалса «Война: исследования по психологии, социологии, антропологии» (Нью-Йорк, 1968) и многие другие.



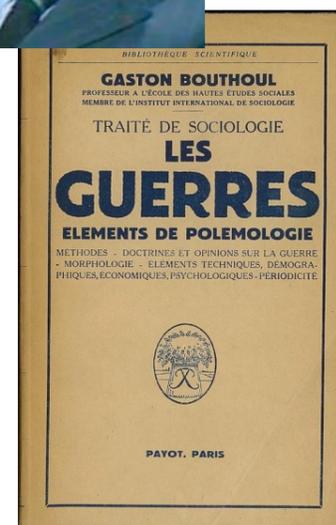
Наверху — Вернер Зомбарт (Werner Sombart; 1863—1941), немецкий экономист, социолог и историк, философ культуры.  
Внизу — обложка первого издания труда В. Зомбарта «Война и капитализм» (Krieg und Kapitalismus, 1913)



Наверху — Карл Каутский (Karl Kautsky, 1854—1938), немецкий экономист, историк и публицист.  
Внизу — титульный лист первого издания работы К. Каутского «Интернационализм и война» (Die Internationalität und der Krieg, 1915)



Вверху — супруги Франк Х. Куртисс (Frank Homer Curtiss, 1875—1946) и Харриетт А. Куртисс (Harriette Augusta Curtiss, 1856—1932), американские оккультисты, теософы, последователи Е.П. Блаватской  
Внизу — титульный лист первого издания работы супругов Куртисс «Философия войны» (The Philosophy of War, 1939)



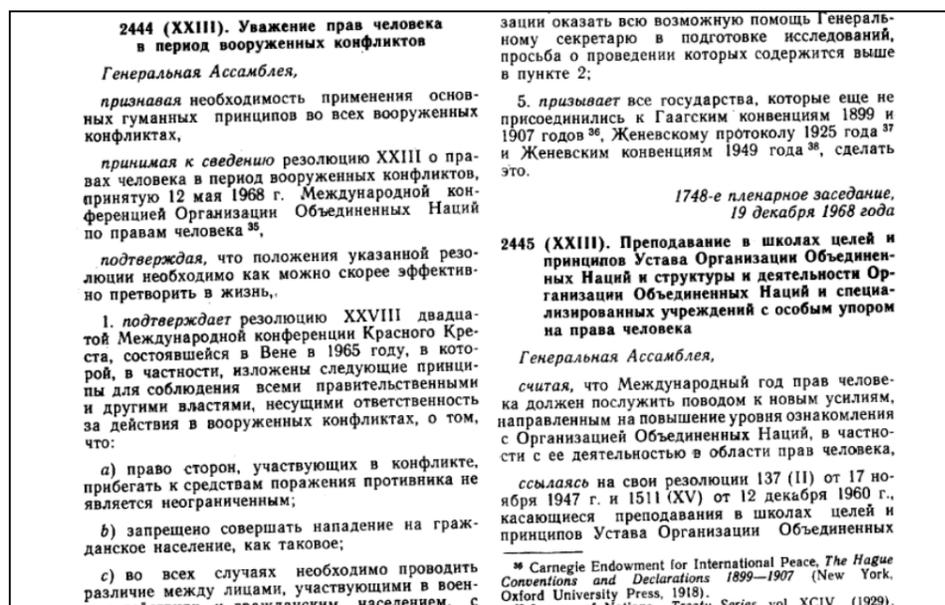
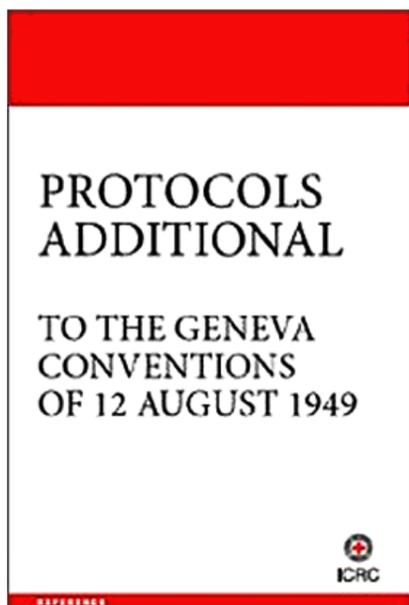
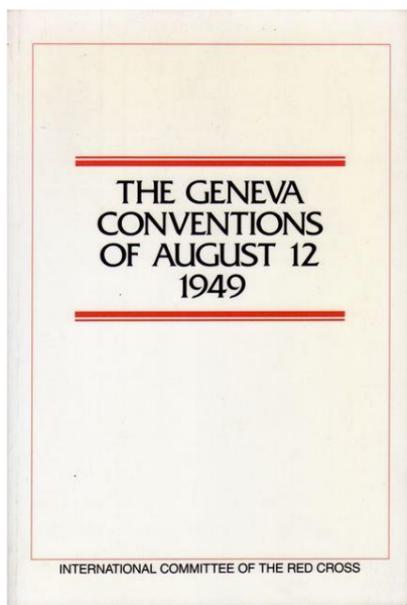
Наверху — Гастон Бутуль (Gaston Bouthoul, 1896—1980), французский социолог и демограф, основатель полемологии.  
Внизу — обложка первого издания работы Г. Бутуля «Войны. Элементы полемологии» (Les guerres, Éléments de polémologie, 1951)

Перед этикой войны XX в. встали две крупные проблемы. Во-первых, как объяснить, что человечество оказалось ввергнуто в две мировых бойни? Во-вторых, как не допустить Третьей мировой? Достижение мира отныне должно было стать не мечтой нескольких гуманистов, а необходимым условием выживания земной цивилизации, ибо ядерное оружие способно уничтожить ее за считанные часы. На первый вопрос этика дала немало ответов. Было указано на то, что произошла подмена духовных ценностей безудержным стремлением к материальному благу; при этом сам дух оказался направленным не на высшие смыслы человеческой жизни, каковыми являются истина, добро и красота, а на эгоистическое желание собственной пользы. Произошла «потеря измерения священного» (Хайдеггер), массовая культура вытеснила элитарную (Ортега-и-Гассет), в результате проповеди милитаризма на поверхность сознания вырвались древнейшие архетипы агрессии, доселе мирно дремавшие в психике людей (Юнг). Оказалось, что целые сферы общественной жизни, такие, как политика, экономика, наука, военное дело оказались лишенными нравственного основания и объявили себя самодостаточными. Без моральных ориентиров общества скатились в состояние тотальной вражды и войны. Отсюда, отвечая на второй вопрос, крупнейшие мыслители XX в. считали, что для обуздания войн надо, в первую очередь, заняться возрождением души человека. Необходимо найти незыблемую нравственную основу, например, благоговение перед жизнью (А. Швейцер), привить человеку абсолютную ответственность за судьбу всего общества (Сартр, экзистен-

**Скворцов А.А. КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ВОЙНЕ В ЗАПАДНОЙ МОРАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ И РУССКОЙ ЭТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ XVII—XIX вв.**

циализм), отказаться от насилия как метода разрешения конфликтов (Л.Н. Толстой и традиция ненасилия), — иными словами, совершить, как сказал А. Тойнби, «нравственную мутацию».

В практической области этика войны следовала двумя путями. Один, более радикальный, предусматривал незамедлительное прекращение войн путем всеобщего разоружения и отказа всех государств от эгоистической политики в пользу политики общечеловеческой; такова логика размышления пацифизма. Сторонники другого пути — менее радикального — считали полное прекращение войн в ближайшем будущем невозможным. Поэтому основные усилия надо направить на ограничение насилия во время боевых действий путем разработки и применения норм международного права, а также путем создания новых и поддержки старых антивоенных организаций. Этика приняла непосредственное участие в разработке современных норм гуманитарного права, правил и обычаев ведения войны. Основными документами, содержащими их, являются: Женевская конвенция об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях от 12 августа 1949 г. (I Женевская конвенция); Женевская конвенция об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море от 12 августа 1949 г. (II Женевская конвенция); Женевская конвенция об обращении с военнопленными от 12 августа 1949 г. (III Женевская конвенция); Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны от 12 августа 1949 г. (IV Женевская конвенция), а также Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Дополнительный протокол I) от 8 июня 1977 г.; Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера (Дополнительный протокол II) от 8 июня 1977. Вместе с тем сюда относятся множество конвенций, деклараций и договоров о законах и обычаях ведения войны. Например, Лондонский протокол 1936 г., Конвенция о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие, от 10 октября 1980 г. и т.д. Подобных конвенций много, некоторые противоречат друг другу. К тому же ряд конвенций подписан не всеми странами, а некоторые страны подписывают их с оговорками, поэтому привлечь к ответственности их весьма затруднительно.



Обложки Женевских конвенций от 12 августа 1949 г. (слева) и Дополнительных протоколов к ней (справа)

Фрагмент страницы документов XXIII сессии Генеральной Ассамблеи ООН 19 декабря 1968 г. с резолюцией № 2444

Однако нам требуется найти основную нравственную идею военного права. И такая идея уже была сформулирована в Резолюции № 2444 от 19 декабря 1968 г. Генеральной Ассамблеи ООН, касающаяся прав человека в вооруженных конфликтах. Она утверждает такие принципы, как:

- право сторон, участвующих в конфликте, использовать средства нанесения вреда противнику не является неограниченным.
- запрет наносить удары по гражданскому населению как таковому [Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 2444 (XXIII) 1968].

Следует отметить также, что «должно проводиться различие между лицами, принимающими участие в военных сражениях, и гражданским населением» [Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 2675 (XXV) 1970], с тем, чтобы щадить последнее, насколько это возможно.

Соблюдение этих принципов — главное основание для того, чтобы ведение войны было признано справедливым. Так же запрещено негуманное отношение к пленным и раненым, запрещено использовать виды оружия, способные вызвать слишком большие разрушения и ущерб здоровью людей. Сюда входят средства массового поражения, средства воздействия на природу, противопехотные мины (с 1997 г.), пули со смещенным центром тяжести, боевое применение лазеров и т.д. Что касается определения справедливой цели войны, то тут, можно сказать, сбылась мечта мыс-

**Скворцов А.А. КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ВОЙНЕ В ЗАПАДНОЙ МОРАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ И РУССКОЙ ЭТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ XVII—XIX вв.**

лителей Просвещения. Сегодня ни одна война не может быть признана справедливой по своим целям, если ее не одобрил Совет Безопасности ООН. Но, как показывает практика, дать свое добро он может, только если речь идет об отражении агрессии, о вторжении с целью приостановления боевых действий («принуждение к миру»), о борьбе с террористическими экстремистскими группировками. Однако, несмотря на международное право и контроль Совета Безопасности, войны продолжаются и ведутся с не меньшей жестокостью, чем предыдущие. Правила ведения справедливой войны почти не исполняются, а сама система ООН находится в глубоком кризисе, что стало особенно очевидно после ряда войн на Балканах (1991—1995, 1999) и в еще большей степени — в ходе украинского конфликта. Сегодня перед этикой войны стоит задача найти более глубокие нравственные основания начала, ведения и прекращения боевых действий, чем нормы международного военного права.

Суммируя все сказанное, можно отметить три важнейших нравственных отношения к войне, имевших место в западной философии. Отечественный социолог И.В. Образцов удачно называет их пацифизмом, апологетикой и плюрализмом [Образцов 1993] — в рамках каждого из которых возможно собственное толкование предмета этики войны:

- **Пацифизм** категорически отвергает войну, считая ее пережитком варварства. Такое отношение характерно для гуманистической традиции Возрождения (Эразм Роттердамский, Себастьян Франк), для эпохи Просвещения (Гольбах, Гельвеций, Руссо), для Канта, для теорий ненасилия и гуманизма, а также для международных антивоенных организаций. В понимании пацифизма выражение «этика войны» может означать только отрицание войны и борьбу за мир.
- **Апологетика**. Война сыграла исключительно благоприятную роль в становлении человеческой культуры, способствовала прогрессу, воспитывала сильные жизнеспособные поколения и помогала людям развить перед лицом смертельной опасности многие творческие способности. Так полагал и полагает милитаризм всех разновидностей: древнеримская историография, Макиавелли, идеологи колониальных завоеваний (Гоббс и другие), «философия войны», выросшая из германской стратегии, Клаузевиц, Мольтке, Гегель, Ницше, Штейнметц, социал-дарвинизм, Шпенглер и др. Для них «этика войны» означает оправдание войны ради добра, которое она может принести.
- **Плюрализм**. Война — большое зло, но в некоторых случаях она может иметь благотворные последствия. Это наиболее распространенная точка зрения, ибо она преодолевает радикализм первых двух. Ее защищали Платон и Аристотель, христианская мысль, допускавшая войну лишь в самых крайних случаях, философско-правовая мысль конца Возрождения — начала Нового времени с Гуго Гроцием во главе, классический рационализм — Бэкон, Локк, Лейбниц, эволюционистские теории, марксизм, отвергавший международные войны, но призывавший к классовой борьбе, социобиология, психоанализ, наконец, современная международно-правовая мысль, допускающая войну как «последнее средство» в деле достижения мира. Для всех этих направлений «этика войны» означает исследование проблемы: в каком случае начало боевых действий оправдано, или при каких условиях война будет иметь добрые последствия. Такое понимание этики войны, на наш взгляд, наиболее соответствует задачам этики как философской дисциплины (подробнее см.: [Скворцов 2000, с. 3—32]).

**2. Русская религиозная этическая мысль XVII—XIX вв. о войне****1.**

На протяжении своей более чем тысячелетней истории России постоянно приходилось воевать. Так происходило не только из-за ее географического положения, но также из-за нежелания уступать противникам в принципиальных спорах, из-за национально-политического уклада, на протяжении истории неоднократно вызывавшего неприятие у «геополитических конкурентов». Частые войны требовали создания сильной армии, и Россия создала победоносное войско, сделавшее ее одной из величайших военных держав.

Отечественная духовная культура немало потрудились над осмыслением военного опыта страны. Литература и живопись донесли до нас описания сражений, образы воинов и их подвиги, историческая наука показала роль войн в нашей истории, логику их развития, музыка донесла песни и марши минувших сражений. Не осталась в стороне и философия, а также ее важнейшая часть — этика, на долю которых выпало выяснить смысл и цели войн, главное назначение войска, дать нравственную оценку вооруженной борьбе, выяснить обязанности воинов перед Родиной и неприятелем. Трудно сказать, когда появляются первые именно философские размышления о войне в русской культуре. Философия предполагает достаточно подробное и всестороннее рассмотрение явления, которые в завершённом виде появляются в России только к концу XIX в. Нас же в данном случае интересуют этические — т.е. содержащие указания на некое совершенное поведение, ведущее человека к осуществлению идеала добра, — размышления о войне в контексте отечественной религиозной мысли. Такие размышления встречаются уже в древнерусских сказаниях об Илье Муромце, монахе-воине, защитнике родной земли, о Добрыне Никитиче, бьющемся со змеем, в котором нетрудно усмотреть библейский символ мирового зла. В «Повести временных лет» (XII в.) мы встречаемся с идеей собирания и защиты русских земель посредством вооружен-

**Скворцов А.А. КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ВОЙНЕ В ЗАПАДНОЙ МОРАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ И РУССКОЙ ЭТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ XVII—XIX вв.**

ной силы; объединенная Русь представлена включенной в мировую историю, хранительницей библейского предания. Здесь же мы встречаем деяния первых русских святых — Бориса и Глеба, княгини Ольги, князя Владимира.



Борис идет на печенегов.  
Лицевая миниатюра из Сильвестровского сборника. XIV в.



Князь Владимир осаждает Корсунскую крепость. Миниатюра из Радзивилловской летописи. XIII в.

Нравственные наставления защитникам родной земли даны в «Поучении Владимира Мономаха» (XII в.):

«Уклонись от зла, сотвори добро, найди мир и отгони зло, и живи во веки веков» (цит. по [Повесть временных лет 1997, с. 169]).

О тяготах войн с половцами рассказывают «Слово о полку Игореве (XIII в.)», осуждающее междоусобные распри и зовущее Русь к единению, «Сказание о Мамаевом побоище» и «Задонщина» (XIV в.), повествующие о героизме русских воинов, о победе христианской Руси над «нехристями» татарами. Образ мудрого богобоязненного князя-патриота, совершенного христоролюбивого воина дан в «Житии Александра Невского» (XIII в.). Жанр героического эпоса прославил поход Ивана Грозного в «Истории о Казанском царстве»; в «Повести о приходе Стефана Батория под град Псков», в «Сказании Авраама Палицына» (XVI в.) проводится идея защиты России от иноземных оккупантов, подвижнического служения воинства Богу, Царю и Родине.



Выход царя Ивана Грозного в поход на Казань. Миниатюра из «Истории о Казанском ханстве». XVI в.



Икона «Благословенно воинство Небесного Царя» (XVI в.) — шествие русских воинов из покоренной Казани в Небесный Иерусалим (Москву)

Первым наиболее полным документом по русской военной этике можно считать «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей», составленное при Алексее Михайловиче (1647). Это произведение написано уже не в стиле былин и сказаний, хотя, несомненно, они повлияли на его идейное содержание, а в форме нравственного кодекса воина, и представляет собой древний аналог современного боевого устава сухопутных войск. В нем проводится мысль, что служение Родине с оружием в руках — богоугодное дело, отнюдь не противоречащее заповедям Христа. Напротив, совершенный воин должен быть совершенным христианином, стоящим на страже веры и Родины. Однако ему, из-за нелегкого воин-

**Скворцов А.А. КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ВОЙНЕ В ЗАПАДНОЙ МОРАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ И РУССКОЙ ЭТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ XVII—XIX вв.**

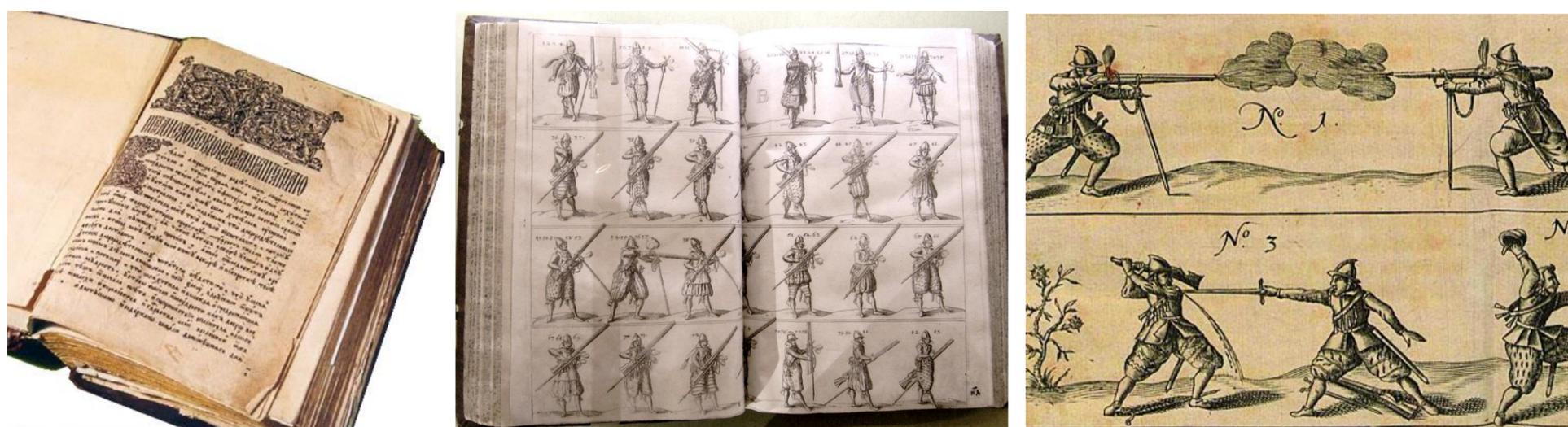
ского труда, быть может, наиболее сложно бороться с грехами. Отсюда, гласит устав,

«ратному же человеку... когда он против недруга идет, и он всегда в смертном страхе и подобает ему мерное житие вести паче чернца в монастыре, потому что он в великом страховании» (цит. по: [Христолюбивое воинство... 1997, с. 411]).

Такой воин, укрепленный в христианской добродетели, не станет творить военные преступления, ибо его задача — не творить зло, а утверждать добро. Вот как рисует его образ «Учение...»:

«Первое, надобе им Господа Бога в сердца своем имети. Второе недруга во зрении и в очех. А третье оружие в руках держати» (цит. по: [Христолюбивое воинство... 1997, с. 410]).

Эта последовательность очень характерна для русской воинской культуры, и мы встретимся с ней еще не раз: сперва надо воспитать душу воина, а затем прививать ему навыки боевого искусства, ибо солдат — в первую очередь христианин и должен стараться выиграть самую сложную битву — с греховными поступками и помыслами.



Первая страница Устава воинского «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей» (Москва, Печатный двор, 1647; слева), разворот (в центре) и иллюстрация из первого издания «Учения...» (справа)

В «Учении...» мы находим и четко проведенное различие между несправедливыми и справедливыми войнами. Первые, «промеж усобные или жилецкие..., всех страшнее и позорнее», вторые — «явные и всемирные войны..., есть справедливы» и «ведены бывают против тех, которые Божии чести и слова его ищут поupati и изгоняти, и которые есть враги имени Христову» (цит. по: [Христолюбивое воинство... 1997, с. 409]). Можно заметить, что данное разделение взято из творений Отцов Церкви, а весь нравственный пафос «Учения...» повторяет европейское средневековое учение о войне. Но русская религиозная культура есть христианская и никогда не отрицала, а напротив, старалась укрепить свою связь со Священным Писанием и Преданием. В области военной христианской мысли отечественная культура много переняла у мыслителей православного Востока, но она создала совершенно неповторимые образы святых воинов, ставших идеалами многих поколений русских людей: Ильи Муромца, Владимира Киевского, Андрея Боголюбского, Александра Невского, Дмитрия Донского, Александра Пересвета, Андрея Осляби и многих других.

XVIII в. внес в историю отечественного военного искусства два великих события: создание Петром I национальной регулярной армии и написание А.В. Суворовым бессмертной «Науки побеждать», о которой мы поведем речь в третьей главе. Что касается Петра Алексеевича, то нельзя сказать, что до него регулярной армии в России не было. Княжеские дружины воевали еще с незапамятных времен; при Иване Грозном существовало как опричное, так и стрелецкое войско, которые оба составляли профессиональную армию того времени, наконец, Алексей Михайлович создал «полки иноземного строя» — прототип петровской гвардии. Но все эти войска не были самодостаточными, т.е. при отражении серьезной военной угрозы они нуждались в помощи ополчения, а также иррегулярных казачьих сотен. Не случайно, что еще в конце XVI в. России приходилось платить унижительную дань крымскому хану. Не было ни устойчивой системы рекрутского набора, ни единой иерархии должностей и званий с четко определенными полномочиями. Все это появилось при Петре, а духовным наставлением новорожденной русской армии стал «Устав воинский», написанный самим императором в 1716 г. Несмотря на то, что войско формировалось отныне по европейскому образцу, нравственная сторона службы оставалась без изменения. Ее основу, как и в «Учении и хитрости ратного строения пехотных людей», составило представление о совершенном воине и христианине в едином лице. Армейских служащих

«понеже оных Бог в такое состояние определил, в котором оные часто бывают, что ни единого часа обнадежены суть, чтоб они наивящим опасностям живота в службе Государя своего подвержены не были, и понеже всякое благословение, победа и благополучие от единого Бога Всемогущего, яко от истинного начала всего блага и праведного победодавца происходит, и Оному токому молитися, и на Него надежду полагати надлежит...» (цит. по: [Христолюбивое воинство... 1997, с. 418]).

**Скворцов А.А. КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ВОЙНЕ В ЗАПАДНОЙ МОРАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ И РУССКОЙ ЭТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ XVII—XIX вв.**

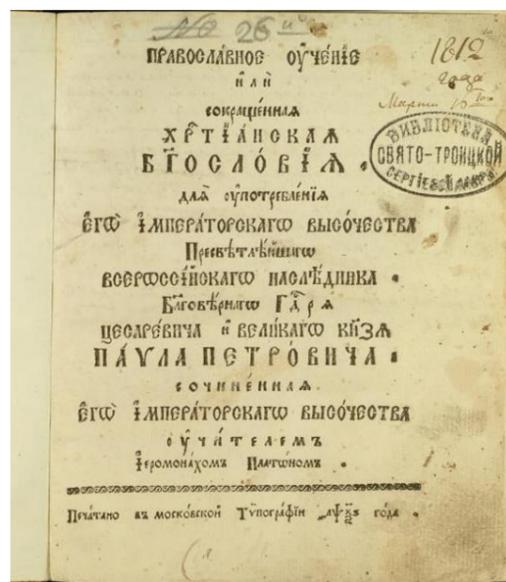
Если так, то надо позаботиться о воспитании в христианской добродетели души солдата и молиться о даровании победы. Для этих целей вводятся должности полковых священников — духовных наставников войска, особое внимание уделяется исполнению религиозных обязанностей воинов: молитв, постов, почитанию Христа, Богородицы, святых. Сделавшись внешне европейской, но с православным сердцем и характером, русская армия вскоре превратилась в непобедимую дружину.

Времена Елизаветы Петровны и Екатерины Великой по праву считаются золотым веком отечественного военного искусства. Понимание нравственного смысла войн той эпохи прекрасно выразил один из ярчайших мыслителей своего времени митрополит Платон (Левшин). В своей речи, посвященной знаменательному событию военной истории России — учреждению ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия, — сказанной в 1769 г., когда наша страна вела сразу две войны — Польскую и Турецкую, он так говорит об армии:

«Что бо есть воинство? Воинство есть защита Отечества, ограда государства, веры оборона, охранение не имений наших токомом, но и жизней наших... лишение их жизней наши жизни сохраняет» [Платон (Левшин; митрополит Московский). 1996, с. 257].



Портрет Митрополита Московского и священно-архимандрита Троице-Сергиевой Лавры Платона (Левшина, 1737—1812). Гравюра Улемана. Вторая половина XVIII в. Фрагмент



Титульный лист труда Платона (Левшина) «Православное учение, или сокращенное христианское Богословие, для употребления Его Императорского Высочества, Пресветлейшего всероссийского наследника Благоверного Государя Цесаревича и Великого Князя Павла Петровича, сочиненное Его Императорского Высочества учителем иеромонахом Платоном» (Москва, 1766)



Второе издание полного собрания сочинений Платона (Левшина). С.-Петербург, издательство П.П. Сойкина, 1913. Фронтиспис и титульный лист первого тома.

Из слов митрополита становится ясно, что он считает воинов лучшими людьми страны: «О воины мужественные! Вы залог дражайший Отечества. Ваше славы блистание радостно в очах наших», однако напоминает им, что «мужество не должно быть без человеколюбия» [Платон (Левшин; митрополит Московский). 1996, с. 258, 259].

А вот как видит владыка цель ведущихся войн:

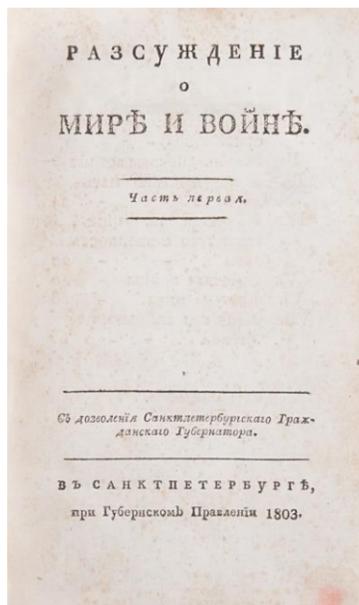
«Меч Российский блистает, не чтоб напрасно умертвить, но чтоб угрожаемым смертию живот даровать» [Платон (Левшин; митрополит Московский). 1996, с. 259].

Речь митрополита Платона можно считать образцом истинно патриотического отношения к воинству, характерное для всей екатерининской эпохи.

Наиболее суровые испытания выпали русской армии в начале XIX в., когда России за десять лет (1805—1815) пришлось вести 21 войну; поочередно и одновременно нашими противниками становились Франция, Швеция, Австрия, Персия, Турция, наконец, вся Европа во главе с Наполеоном. И в 20 войнах Россия победила, завершив их триумфальным входом в Париж. С тех пор национальное военное искусство стало медленно клониться к закату, хотя русское оружие добилось еще немало славных побед. Такой спад объясняется не только особенностями и просчетами отечественной военной культуры, но и общеевропейской тенденцией к смене боевых эпох. На место небольших профессиональных дружин времен Суворова с блистательными полководцами во главе приходил век вооруженных толп, всеобщих воинских повинностей и генералов-математиков, занятых тем, чтобы превзойти противника в количестве согнанной живой силы и техники, а не творческой военной мыслью. Идеологами подобной «философии войны», как мы отмечали выше, были Клаузевиц, Мольтке, Гнейзенау и другие проповедники немецкого милитаризма. В России тем временем постепенно складывается военная наука, историография, психология, педагогика и т.д. Вместе с быстро развивающейся русской метафизической мыслью появляются первые углубленные философские размышления о смысле войны и воинства.

**Скворцов А.А. КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ВОЙНЕ В ЗАПАДНОЙ МОРАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ И РУССКОЙ ЭТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ XVII—XIX вв.**

В конце XVIII — начале XIX вв. в отечественной общественной мысли мы находим немало международно-правовых оценок войны, написанных в подражание европейским трактатам о вечном мире. В числе таковых отметим произведение Я.П. Козельского — «Философическое предложение» (1768), перевод с комментариями Р.М. Церебрикова трактата француза Гудара «Мир Европы, или Проект всеобщего замирения» (1795), а также наиболее последовательное из всех произведений этого жанра — «Рассуждение о мире и войне» директора Царскосельского лицея В.Ф. Малиновского (1803), где автор доказывает необходимость учреждения международного права, которое позволило бы вести войну «по закону».



Слева — Малиновский Василий Федорович (1765—1814), социальный мыслитель, теоретик международного права, первый директор Царскосельского лицея. Портрет работы П.И. Пороховникова. 1879.

Справа — титульный лист первого издания сочинения В.Ф. Малиновского «Рассуждение о мире и войне». В двух частях в одной книге» (СПб., при Губернском правлении, 1803).

Наконец, «Проект вечного мира» аббата Сен-Пьера вдохновил А.С. Пушкина написать на ту же тему (после того, как Б.В. Томашевский полностью опубликовал в 1930 г. набросок Александра Сергеевича со своими комментариями, этот текст начал печататься во всех собраниях сочинений Пушкина под разнообразными заглавиями — «Заметки по поводу суждения о проекте вечного мира», «Запись споров о вечном мире», «О вечном мире» [Алексеев 1972, с. 163]).

Однако нас интересует религиозное течение отечественной этической мысли, ибо оно наиболее остро формулировало нравственное противоречие между христианской совестью и войной. Нам важно проследить основные влияния философии XIX в. на этику войны XX столетия, и в этой связи мы рассмотрим взгляды наиболее ярких фигур — А.С. Хомякова и славянофилов, их последователя Н.Я. Данилевского, К.Н. Леонтьева, Ф.М. Достоевского, В.С. Соловьева, Н.Ф. Федорова.

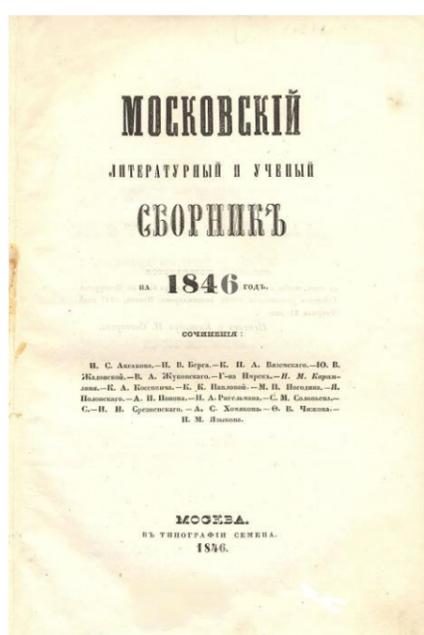
**2.**

Славянофилы не написали ни одного произведения специально о войне, но они многое сделали для укрепления русского национального самосознания. Им приходилось доказывать совсем, казалось бы, простую идею, что каждая культура — самобытна и имеет право на самостоятельное развитие, а отечество — не просто страна, а, как говорил А.С. Хомяков:

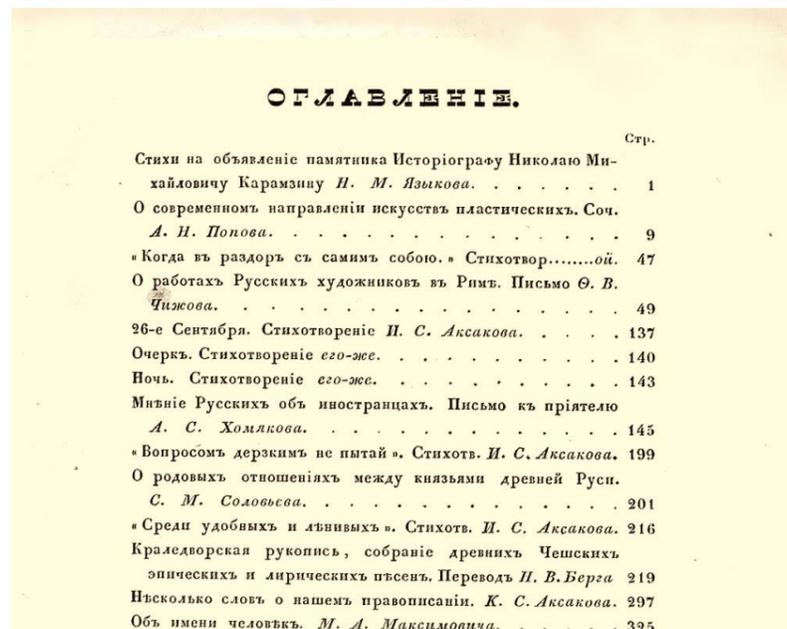
«...Та страна и тот народ, создавший страну, с которыми срослась вся моя жизнь, все мое духовное существование» [Хомяков 1988, с. 115].



Александр Степанович Хомяков (1804—1860), поэт, художник, публицист, богослов, философ, член-корреспондент Петербургской Академии наук



Обложка журнала «Московский Сборник» за 1846 г., в котором впервые была опубликована статья А.С. Хомякова «Мнение русских об иностранцах»



Фрагмент оглавления «Московского Сборника» со статьей А.С. Хомякова «Мнение русских об иностранцах»

**Скворцов А.А. КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ВОЙНЕ В ЗАПАДНОЙ МОРАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ И РУССКОЙ ЭТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ XVII—XIX вв.**

Но, вместе с тем, славянофильство не националистично, оно не призывает к замкнутому существованию. Напротив, его идеал — соборное воссоединение людей на основе христианских святынь. Как справедливо заметил В.В. Зеньковский,

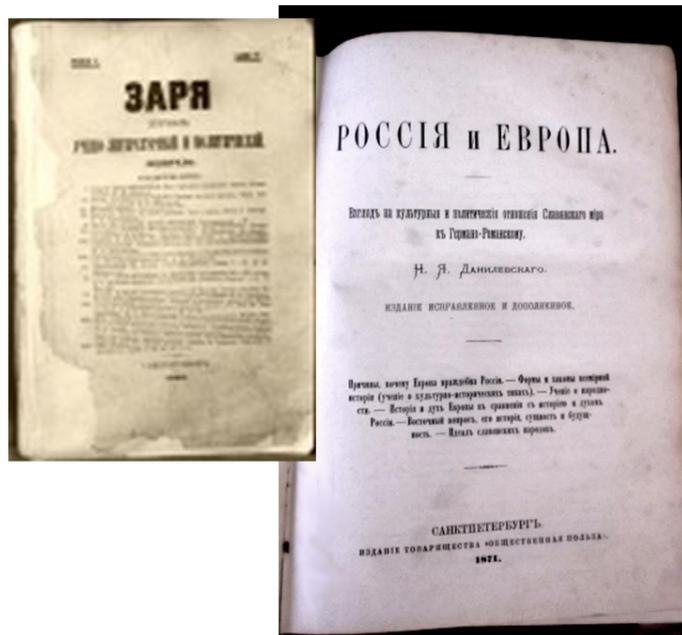
«славянофилы воспринимали Запад как христианский мир — отсюда чувство глубокого родства с ним, однородности задач» [Зеньковский 1997, с. 43].

И Хомяков, и Киреевский почтительно относились к европейскому Просвещению, ценили западный уклад жизни, хотя и указывали, что в нем рациональное начало слишком доминирует над духовным и это не дает Западу воплотить целиком Христову Правду. Подобную задачу по плечу решить России: в этом ее исторический долг, ее призвание; очень печально, что этого не понимают на Западе и относятся к нашей стране снисходительно. Не только для себя должна стать Россия царством Правды, но для всего мира. Славянофильство, в лице его старших представителей, не эгоистично и не воинственно. Быть может, более резким, чем остальные был К. Аксаков, но в его писаниях мы не найдем ненависти к Западу, а только лишь иронически-критическое отношение. Идеалом славянофилов была Святая Русь, а не могущественная Империя; отсюда совершенным воином бывший офицер А.С. Хомяков считал Илью Муромца — «идеал гигантской силы, всегда покорной разуму и нравственности» [Хомяков 1988, с. 126]. Мыслители данного направления политической задачей России считали объединение всего славянства в единую дружную семью. Но во время Крымской войны, предлогом для которой стало заступничество царя за христиан в Турции, славянофилы отнюдь не воспылали ненавистью к европейскому противнику, а напротив, восприняли поражение как кару за грех самодовольства.

«Война, — писал А.С. Хомяков в послании к сербам, — война справедливая, предпринятая нами против Турции, для облегчения участи наших восточных братьев, послужила нам наказанием: нечистым рукам не предоставил Бог совершить такое чистое дело» [Хомяков 1988, с. 345].

Совсем иным отношение к Европе было у последователя славянофилов Н.Я. Данилевского. Его, в отличие от Хомякова и Киреевского, мало интересовали вопросы богословия (хотя Данилевский и признает себя их последователем); он в большей степени геополитический мыслитель, культуролог, историк. Он же — талантливый военный обозреватель и аналитик, автор серии статей в журналах «Русский мир», «Русская речь», «Русь» о современных ему боевых действиях и внешней политике европейских стран. Главный труд Н.Я. Данилевского «Россия и Европа», увидевший свет в 1869 г., стал, по словам Н.Н. Страхова, «катехизисом или кодексом славянофильства» [Страхов 1991, с. 510], а Ф.М. Достоевский предположил, что этот труд станет «будущей настольной книгой всех русских». Автор не скрывает, что его мировоззрение — славянофильское. Основную идею славянофилов о самобытности и неповторимости русской культуры Данилевский распространяет на все так называемые культурно-исторические типы: нет единой общечеловеческой культуры, нет общеисторического процесса, есть только отдельные цивилизации — достаточно замкнутые организмы, подчиненные своей внутренней логике развития. Причем, как гласит второй закон исторического развития, по Н.Я. Данилевскому, «начала цивилизации одного культурно-исторического типа не передаются народам другого типа» [Данилевский 1991, с. 91]; раз возникнув в определенных условиях, данная культура никогда не сможет возродиться в других условиях. Означает ли это, что человечества как единой силы и семьи нет, как нет и общечеловеческого прогресса? Как мы помним, славянофилы учили о всемирно-исторической роли России, о ее вкладе именно в соборную мировую культуру. Данилевский ни в коем случае не противоречит этому, он только уточняет, что

«общечеловеческого не только нет в действительности, но и желать быть им — значит желать довольствоваться общим местом, бесцветностью, отсутствием оригинальности... Иное дело — *всечеловеческое*, которое надо отличать от *общечеловеческого*; оно без сомнения, выше отдельного-человеческого, или народно-го...[курсив Данилевского — А.С.]» [Данилевский 1991, с. 123].



Справа — Николая Яковлевич Данилевский (1822—1885), естествоиспытатель, публицист и культуролог.

Слева — оглавление журнала «Заря» (1869, № 1), где впервые было опубликовано сочинение Н.Я. Данилевского «Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-Романскому» и титульный лист первого отдельного издания труда (СПб., Издание товарищества Общественная польза, 1871).

**Скворцов А.А. КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ВОЙНЕ В ЗАПАДНОЙ МОРАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ И РУССКОЙ ЭТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ XVII—XIX вв.**

Но всечеловеческое единение достигается только гармоническим развитием всех культурно-исторических типов; оно не будет усреднением всех культур, оно будет единством многообразия. Поэтому развивать свою национальную культуру означает двигаться к всечеловеческой, ибо каждый национальный уклад имеет мировое значение. Именно так понимали движение к соборному единению людей старшие славянофилы. То же самое Данилевский говорит о всечеловеческом прогрессе:

«Прогресс... состоит не в том, чтобы идти всем в одном направлении..., а в том, чтобы исходить все поле, составляющее поприще исторической деятельности человечества во всех направлениях» [Данилевский 1991, с. 109].

Другими словами, прогресс состоит в развитии всех культур, а не только западно-европейской. Как известно, основной оппонент Данилевского В.С. Соловьев назвал его главный труд «связующим звеном между идеями старых славянофилов и новейшим безыдейным национализмом» [Соловьев 1989, с. 406]. Автора действительно можно заподозрить в национализме, но только в том смысле, что он считает жизнь и развитие наций — сутью исторического процесса. Но почему же такой национализм «безыдейный»? — остается загадкой.

Размышления Н.Я. Данилевского о войне и внешней политике можно рассматривать только в контексте его главных культурологических идей. В отличие от Хомякова и Киреевского он не желает с почтением относиться к Европе; Крымская война и открытая ненависть к России во время Балканской войны, выраженная в поддержке Западом Турции, привела Данилевского к мысли, что

«где только идет дело об отношении Европы к России, — там нет и речи о справедливости, равноправии, беспристрастности. Эта бесспорная истина вытекает из анализа всех отношений между Европой и Россией уже с очень давних времен» [Данилевский 1998, с. 170].

Отношение Запада к нашей стране двойственно: с одной стороны, он желает казаться общечеловеческой цивилизацией и навязать ее нам, но с другой,

«Европа признает Россию и славянство чем-то для себя чуждым, и не только чуждым, но и враждебным» [Данилевский 1991, с. 53].

На самом деле, нет никакого общечеловеческого уклада, есть только агрессивные политики ведущих держав Старого света, желающие заставить Россию служить их интересам. Но у нашей страны свой путь; мы должны раз и навсегда прекратить «европейничанье» и решать свои задачи. Главная из них — создание федерации России и славянских государств со столицей в Константинополе. Независимость и единство славянства станет окончательным решением Восточного вопроса. Интересно, что, отвергая общечеловеческую культуру, Данилевский допускает существование культуры общеславянской.

«Для всякого славянина, — пишет он, — ...после Бога и Его святой Церкви, — идея славянства должна быть высшею идеею, выше науки, выше свободы, выше просвещения, выше всякого земного блага... [Курсив Данилевского — А.С.]» [Данилевский 1991, с. 127].

Естественно, европейские страны будут всеми силами препятствовать созданию единой славянской федерации. Но Россия не должна обращать внимания на их интересы и не должна бояться открытого с ними противостояния: ее задачи — не европейские, а русские, т.е. всечеловеческие.

«Борьба с Западом, — считает Данилевский, — единственное спасительное средство... для излечения наших культурных недугов» [Данилевский 1991, с. 433].

И эта борьба может быть с оружием в руках.

«Война, — говорит он, — очень большое зло, однако же не самое еще большее, — ...есть нечто гораздо хуже войны, от чего война и может служить лекарством...» [Данилевский 1991, с. 436].

И это худшее — потеря своего национального лица, отказ от своего исторического призвания, наконец, потеря собственной свободной творческой силы и жалкое подражание Западу. Можно ли на основании подобных взглядов обвинить Данилевского в милитаризме? Скорее всего, нет, ибо он не призывает к захватническим походам и не прославляет войну; он лишь говорит о духовном единении славянства и необходимости защищать это единение, если потребуется. При этом он все же сторонник мирного сосуществования культурных типов, а мир между ними наступит тогда, когда отдельные цивилизации прекратят называть себя «общечеловеческими» и диктовать свои ценности другим.

Другой русский мыслитель национально-религиозного склада, К.Н. Леонтьев, находился под большим впечатлением от идей Данилевского, считая автора «России и Европы» своим учителем. Он воспринял мысль о самобытности культурно-исторических типов и страстно защищал основы русского национального уклада. Как и Данилевский, он был противником

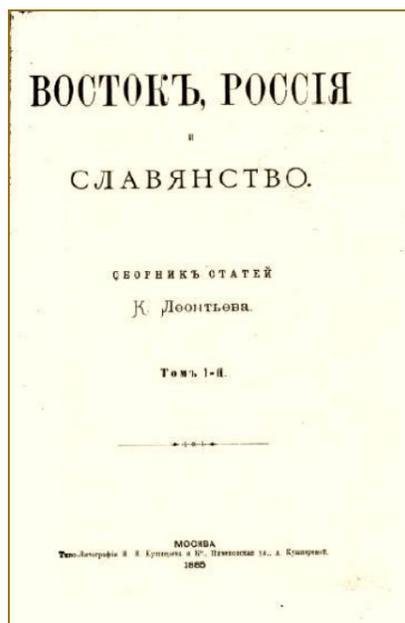
**Скворцов А.А. КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ВОЙНЕ В ЗАПАДНОЙ МОРАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ И РУССКОЙ ЭТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ XVII—XIX вв.**

общечеловеческих ценностей, видя в них распространение европейской посредственности.

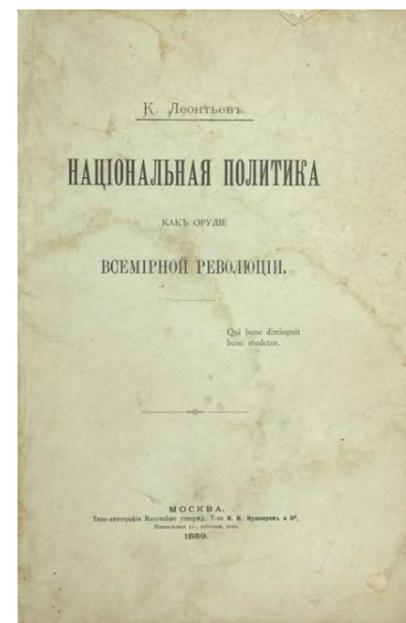
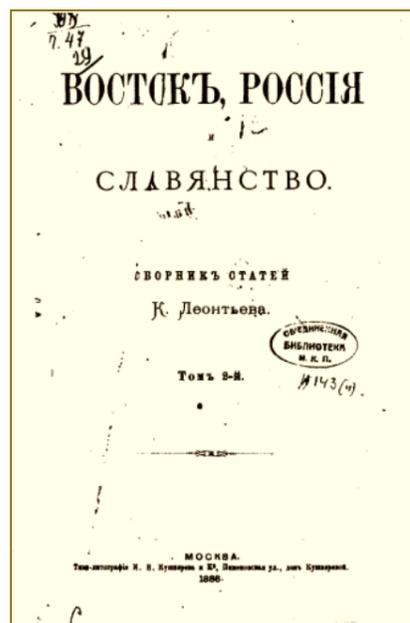
«Дисциплина *национальных* нравов, — считает он, — для обществ спасительнее самых привлекательных качеств *общечеловеческой нравственности*... [Курсив Леонтьева — А.С.]» [Леонтьев 1996, с. 223].



Константин Николаевич Леонтьев (1831—1891), философ, писатель, публицист, литературный критик, дипломат.



Титульные страницы первого и второго томов сборника статей К.Н. Леонтьева «Восток, Россия и славянство» (Москва, типо-литография И.Н. Кушнерова и Ко, 1885—1886)



Титульный лист работы К.Н. Леонтьева «Национальная политика как орудие всемирной революции» (Москва, типо-литография И.Н. Кушнерова и Ко, 1889)

Но, в отличие от своего учителя, Леонтьев возлагал не столь большие надежды на создание всеславянского союза. В то время стало ясно, что освобожденные силой русского оружия балканские государства не спешат вести пророссийскую политику, а заняты лишь своими интересами. Отсюда, по мысли автора «Византизма и славянства», будущий союз должен иметь не национальную, а религиозную основу, быть не всеславянским, а всеправославным, куда могут входить и греки, и румыны, и христианское население Турции. Без религиозного начала национальная культура гибнет, поэтому задача России и любой страны — защищать свое священное Предание, не давать секулярной и атеистической культуре Запада расшатывать устои и традиции общества. Философское мировоззрение Леонтьева сложное. В нем причудливо сочетаются строгая православная мысль с языческим поклонением силе государства, христианское смирение с нелюбовью к гражданским свободам и открытым презрением к современной Европе, православно-аскетические мотивы со страстью к анализу тонкостей внешней политики западных стран, наконец, убеждение в мессианской роли России с проповедью «творить свое и для себя» [Леонтьев 1996, с. 399]. Находя подобные противоречия, Н.А. Бердяев назвал Леонтьева «сатанистом в религиозном облики» [Бердяев 1994, т. 2, с. 259], ибо он выдает человеконенавистнические идеи за православные, а С.Л. Франк окрестил его философию «эстетическим изуверством» [Франк 1996, с. 401].

Леонтьев действительно основывает свои произведения, с одной стороны, на глубокой любви к русскому православию и государственности, а с другой — на презрении к европейской цивилизации. Любая культура, по его мнению, проходит три периода: «1) первичной простоты, 2) цветущей сложности и 3) вторичного смесительного упрощения» [Леонтьев 1996, с. 129]. Высшая ее точка — на второй стадии, когда жизнь расцветает всеми красками: богатство соседствует с бедностью, красота с безобразием, аристократия с толпой, свобода с рабством и т.д. Есть много зла, но есть и высшие проявления добра, религиозного вдохновения, государственного строительства. Это — великие и творческие эпохи, давшие миру лучшие образцы животворной культуры. Но долго ни одна цивилизация так существовать не может: уходят лучшие люди, теряется творческая сила, противоположности стремительно уравниваются; появляется тяга ко всему простому и доступному, нелюбовь к сложному и глубокому; наступает долгая культурная смерть. На западе, по мысли Леонтьева, она уже наступила, а в России, благодаря охранительной силе православия, цветущая сложность еще не ушла. Война, безусловно, — явление этой эпохи. Только «глупые, несносные эти друзья "вечного мира", находят что-то высокое в мещанском и всеобщем благоденствии народов» [Леонтьев 1996, с. 242]. Подобное благоденствие будет означать окончательную духовную смерть.

«Великая вещь — война! Прав был тот, кто назвал войну — "божественным учреждением". Это огонь пожирающий, правда, но зато очистительный» [Леонтьев 1996, с. 242].

Леонтьев — единственный отечественный философ, кто так страстно прославляет войну; отсюда и его отношение к воинству:

«Самый высший род гражданства — это гражданство боевое, отдающее жизнь за Отчизну... Мы сами, мы русские обязаны считать военных наших самыми лучшими, самыми высшими из граждан наших, если мы хотим быть справедливы умом и честны сердцем» [Леонтьев 1996, с. 243].

**Скворцов А.А. КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ВОЙНЕ В ЗАПАДНОЙ МОРАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ И РУССКОЙ ЭТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ XVII—XIX вв.**

Да, война есть насилие, но

*«насилие не только побеждает, оно и убеждает многих, когда за ним... есть идея [Курсив Леонтьева — А.С.]» [Леонтьев 1996, с. 243].*

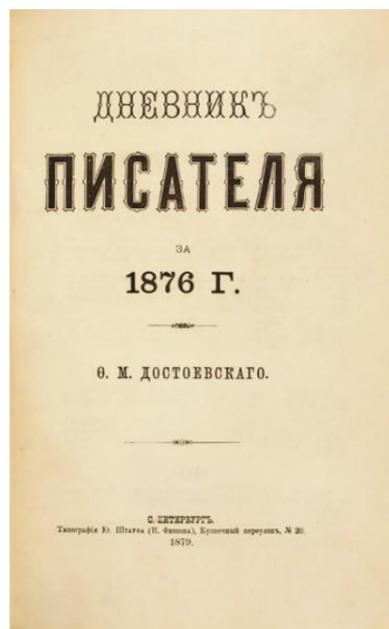
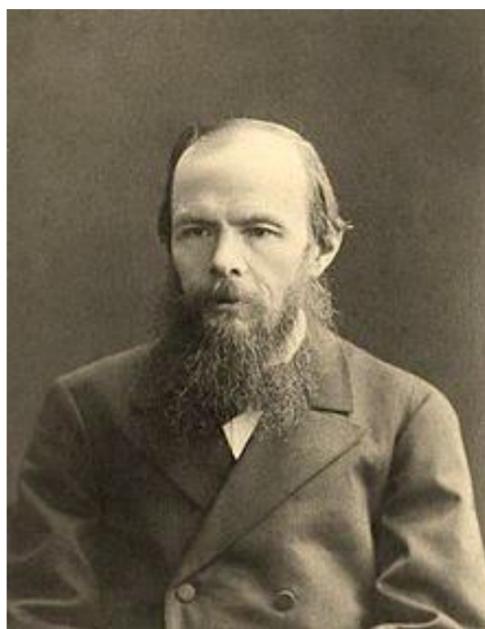
Какова же эта идея, ради чего стоит воевать? Прямо на этот вопрос мыслитель не отвечает, но из общего пафоса его произведений, например, «Национальная политика как орудие всемирной революции» (1888) становится ясно, что не только ради обороны от европейского упрощения. Россия, считает Леонтьев, не имеет права отказываться от своего исторического призвания: продвижения на юго-восток. Но не ради освобождения славян туда надо идти: славяне уже получили независимость и плетут интриги против своей избавительницы.

*«Там «Святые Места», там Царьград, Афон, Синай... Там близко и Гроб Господень... Там еще не угасли вполне — святые и великие очаги Православия... [Курсив и кавычки Леонтьева — А.С.]» [Леонтьев 1996, с. 532].*

Они по праву «естественных наследников» принадлежат России, и отдавать их никому нельзя. К.Н. Леонтьев — возможно, самый милитаристский отечественный философ. Чуть менее воинственно, но не без его влияния в XX в. писали В.Ф. Эрн и лидеры евразийства.

Исключительное влияние на русскую религиозную и этическую мысль XX в. оказали взгляды Ф.М. Достоевского. Нет ни одного серьезного отечественного философа, кто не посвятил исследованию его мировоззрения либо книги, либо подробной статьи. Ф.М. Достоевский не только великий художник и блистательный публицист, но и великий метафизик, главной темой которого является раскрытие бытия Божьего в мире, битва Бога и дьявола в человеческой душе. При этом совершенно неправильно называть Достоевского «психологом»; он, как точно заметил Н.А. Бердяев, — «пневматолог», т.е. говорит не о том, что у него или кого-нибудь другого на душе, а о том, к чему стремится его дух и дух русского народа. Духовная жизнь человека, и тем более, целой нации полна надрывов, противоречий, парадоксов, постижению которых посвящены романы великого писателя. Один из таких парадоксов — война и ее влияние на нравственное состояние нации. Федор Михайлович так и называет свое размышление о войне в «Дневнике писателя» — «Парадоксалист». Диалектика войны представлена в нем в виде диалога между обычным человеком и «мечтателем» (парадоксалистом).

*«Дикая мысль, — говорит тот, — что война есть бич для человечества. Напротив, самая полезная вещь» [Достоевский 1981, с. 122—123].*



Слева — Федор Михайлович Достоевский (1821—1881). Фото 1879 г.

Справа — титульный лист первого издания «Дневника писателя за 1876 г.» Ф.М. Достоевского (СПб., типография Ю. Штауфа, 1879).

Это утверждение приводит обывателя в замешательство: разве война не ужасна тем, что люди идут убивать друг друга, разве она не ненавистна всем, кто живет в мире, разве мир — не высшая ценность и разве она не задерживает прогресса, не противоречит христианской совести и не приносит невиданные тяготы народу? Но у «мечтателя» находятся свои аргументы.

*«Ложь, — говорит он, — что люди идут убивать друг друга... напротив, идут жертвовать собственной жизнью — вот что должно стоять на первом плане. Нет выше идеи, как пожертвовать собственной жизнью, отставив своих братьев и свое отечество...» [Достоевский 1981, с. 123].*

Также неправда, что люди не любят войну. Она дает духовный подъем, «праздник в душе», а когда гроза пройдет, то ничто не вспоминают так часто, как боевую славу минувших лет. Мир таит в себе угрозу не меньше военной:

*«Великодушные гибнет в периоды долгого мира, а вместо него являются цинизм, равнодушие, скука... В долгий мир социальный перевес всегда переходит на сторону всего, что есть дурного и грубого в человечестве...» [Достоевский 1981, с. 123].*

**Скворцов А.А. КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ВОЙНЕ В ЗАПАДНОЙ МОРАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ И РУССКОЙ ЭТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ XVII—XIX вв.**

То же самое можно сказать о прогрессе: науки и искусства особо сильно развиваются во время войны, либо в первые после нее годы, ибо

«война их обновляет, освежает, вызывает, крепит мысли и дает толчок» [Достоевский 1981, с. 124].

Не противоречит она и христианской совести, хотя евангельский завет учит нас любви. Однако нынешний мир, в котором «богатство, грубость наслаждений порождают лень, а лень порождает рабов» [Достоевский 1981, с. 125], значительно более безнравственен с христианской точки зрения, чем война, ибо «человеколюбие всего более развивается на поле битвы» [Достоевский 1981, с. 125]. Ничто так не объединяет людей одной нации в единую семью, как военная угроза; даже с врагом война в известной мере объединяет, т.к. волей-неволей происходит общение двух воюющих сторон; в мирное же время мелкие политические обиды могут привести две страны к полной изоляции друг от друга. Наконец, верно, что народ терпит большие бедствия во время войны, но получает он за это много больше: и нравственное очищение, и всеобщее ликование в случае победы, и прощение старых обид; к тому же

«война... мирит господина и раба в самом высшем проявлении человеческого достоинства — в жертве жизнью за общее дело...» [Достоевский 1981, с. 126].

Как нетрудно заметить, Достоевский отнюдь не прославляет войну: он лишь показывает, что к такому сложному явлению нельзя относиться однозначно; его последствия для общества могут быть непредсказуемыми: от полного крушения до великого подъема. Причем «парадоксалист-мечтатель» говорит, в отличие от славянофилов, не о конкретной войне или определенном политическом моменте в жизни России, а о войне вообще, об идее войны, т.е. демонстрирует именно философский взгляд. Безусловно, крохотный по объему «Парадоксалист» есть одно из самых идейно-насыщенных произведений по философии войны в русской религиозной мысли. Его полемически-антиномический стиль оказал большое влияние на Бердяева, Карсавина и др.

Что же касается войн, случившихся за время литературной деятельности Достоевского, то он полностью поддержал наш освободительный Балканский поход 1877—1878 гг. Федор Михайлович твердо верил в мессианское предназначение России принести в мир нравственное озарение, явить собою пример жертвенности за Христа. И русско-турецкая война должна была стать шагом к этой цели. Достоевский понимал, что мечта Хомякова, Тютчева и Киреевского — федерация славянских народов — вряд ли достижима, но не из-за политических выгод должна была воевать Россия, и не только ради спасения православных народов от турецкого гнета.

«Нам нужна эта война и самим, — пишет он в «Дневнике писателя», — ... для собственного спасения: война освежит воздух, которым мы дышим и в котором мы задохались, сидя в немоги растления и в духовной тесноте» [Достоевский 1995, с. 109].

Грянувшая война на Балканах была наступательной, а не оборонительной, но по характеру боевых действий нельзя судить об их нравственной оправданности. Достоевский считал ту войну совершенно справедливой, ибо «крови, может быть, еще больше бы пролилось без войны» [Достоевский 1995, с. 116].

«Поверьте, — обращался он к гуманистам-либералам, — что в некоторых случаях, если не во всех почти... — война есть процесс, которым *именно* с наименьшим пролитием крови, с наименьшей скорбью... достигается международное спокойствие [Курсив Достоевского — А.С.]» [Достоевский 1995, с. 116].

Отсюда единственной целью праведной войны можно считать только мир, а ее нравственным смыслом будет освобождение от эгоизма, материализма, развращенности и служение своим ближним.

Защищая свои идеи, Ф.М. Достоевский вынужден был вступить в полемику с Л.Н. Толстым, который в восьмой книге «Анны Карениной», в лице Левина, отрицательно высказался о войне вообще и о патриотическом подъеме в России во время Балканского похода. Призывать к защите славян путем «мщения и убийства» [Толстой 1952, с. 396] казалось Толстому неприемлемым. Однако Достоевский отвечал, что еще более безнравственным и «полным извращением природы» было бы спокойно смотреть на массовые жестокие убийства турками славян и ничего не предпринимать.

«Убивают турок в войне, — писал он, — в честном бою, не *мстя* им, а единственно *потому*, что иначе никак нельзя вырвать у них из рук их бесчестное оружие [Курсив Достоевского — А.С.]» [Достоевский 1995, с. 262].

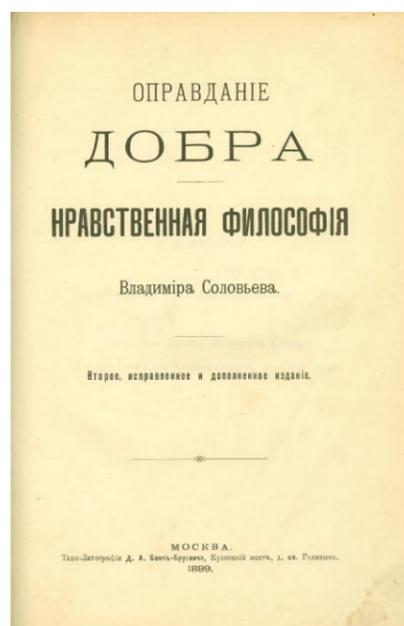
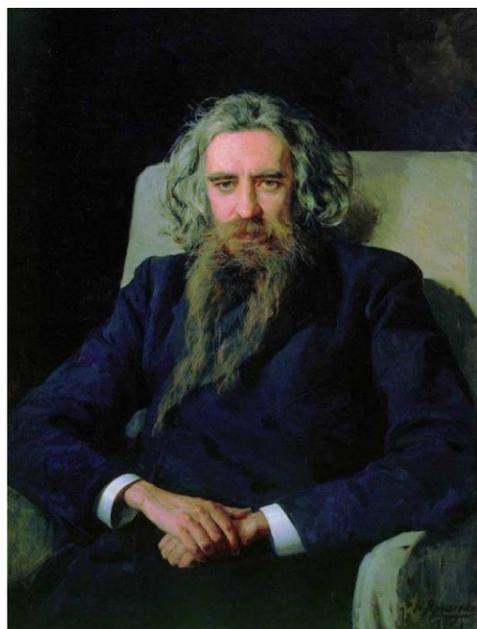
Когда речь идет о спасении сотен тысяч жизней, нельзя «сантиментальничать», нельзя рассуждать о том, как бы не обидеть турок, — надо действовать во имя защиты жизни и мира; к такому действию и призывал Ф.М. Достоевский.

**3.**

Не остался безучастным к теме войны и В.С. Соловьев, но стилистика его размышлений несколько иная, чем у славянофилов и Достоевского. Его этика — «Оправдание добра» — представляет собой цельное систематическое исследование, восемнадцатая глава которого называется «Смысл войны». В ней Соловьев пытается провести всестороннее рас-

**Скворцов А.А. КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ВОЙНЕ В ЗАПАДНОЙ МОРАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ И РУССКОЙ ЭТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ XVII—XIX вв.**

смотрение явления не только с моральной точки зрения, но и учитывая историческое развитие нравов. Исходя из контекста всего «Оправдания добра», автору надо ответить на вопрос: внесла ли война свой вклад в историческое утверждение добра, или она только препятствовала ему? Отсюда данный вопрос разбивается на три части: какова «общенравственная» оценка войны, каково ее значение в истории человечества, «еще не кончившейся» и как каждый из нас должен относиться к факту войны [Соловьев 1988, с. 463]? На первый вопрос, считает Соловьев, ответить достаточно просто: все признают войну злом, а мир добром, даже в языке закрепилось: «ужасы войны» и «блага мира», а не наоборот. Здесь, правда, можно заметить автору, что как раз в его время европейская общественная мысль, как мы показывали в предыдущем параграфе, была наводнена проповедями о пользе войны. Но, продолжает Соловьев, зло бывает либо абсолютным (смертный грех, вечная гибель), либо относительным, и война, безусловно, является последним. Впрочем, и мир «сам по себе еще не есть подлинное благо... он становится благом только в связи с внутренним переждением человечества» [Соловьев 1988, с. 478].



Слева — Владимир Сергеевич Соловьев (1853—1900). Портрет работы Н.А. Ярошенко. 1892.

Справа — титульный лист второго (исправленного и дополненного) издания труда В.С. Соловьева «Оправдание добра. Нравственная философия» (Москва, типо-литография Д.А. Бонч-Бруевича, 1899)

Большое нравственное значение войны можно усмотреть в истории: с помощью нее на земли тысяч враждовавших между собой племен приходили великие империи и приносили с собой мир. Римская прямо называла себя миром — «Рах Романа». Христианство, религия любви и добра, тоже распространялось не без помощи военных походов. Наконец, война есть одна из форм культурного общения: она способствовала собиранию материков в единое цивилизационное пространство и объединению человечества на основе общего материального благосостояния. Оно, в свою очередь, стало мощным основанием мира, ибо ни одна индустриально-развитая страна не желает жертвовать своим благополучием ради боевого столкновения. Отсюда, считает Соловьев, появился «страх перед войной», который обуял сегодня все образованные народы [Курсив Соловьева — А.С.] [Соловьев 1988, с. 475], и, как следствие, сорокалетний мир в Европе от Ватерлоо до Севастополя. Читать эти строки несколько странно, поскольку в конце XIX в. поднимался германский милитаризм, отнюдь войны не боявшийся, а за сорок указанных автором лет только Россия вела сражения с Турцией, Польшей, Венгрией. Все последовавшие за этим войны Соловьев не считает серьезными, ибо они не переросли во всеевропейские. Получается, что по сравнению с наполеоновской эпохой, можно говорить о прогрессе в сфере обуздания вооруженного насилия. Однако философ не говорит о том, что очень скоро войны уйдут в прошлое, напротив: выход стран Азии на международную арену с двумястами миллионами жителей может повлечь ее военное столкновение с Европой. И это будет «последнею, но тем более ужасною, действительно всемирною войною...» [Соловьев 1988, с. 476].

Что касается личного отношения человека к войне, то Соловьев считает защиту отечества нравственной обязанностью каждого гражданина. Драться он должен «не из вражды или злобы к ним [захватчикам], а также не для того, чтобы спасти свою жизнь ценою жизни ближнего, а для того, чтобы защитить слабые существа, находящиеся под его покровительством» [Соловьев 1988, с. 481]. Нельзя также уклоняться от военной службы, мотивируя это тем, что она связана с убийством ближнего, что недопустимо для нравственного человека.

На самом деле, война приходится на долю не каждого солдата, а если даже она началась, то не каждому воину приходится убивать. А если и приходится, то «с их стороны возможное убийство есть только случайное [Курсив Соловьева — А.С.]» [Соловьев 1988, с. 479]. Но почему же случайное? На войне убивают вполне сознательно, причем умышленно стремятся нанести наибольший урон противнику. Соловьев, по сути дела, снимает основное нравственное противоречие вооруженной борьбы, перекладывая вину за намеренное убийство на случайность. В таком случае, война не представляла бы собой этической проблемы. Однако в «Трех разговорах» — величайшем достоянии русской религиозной философии — мы встречаемся с совершенно иной, метафизической трактовкой войны. Главной проблемой «Разговоров» служит вопрос, заданный в самом начале Генералом:

«Существует теперь или нет христоролюбивое и достославное российское воинство? [Курсив Соловьева — А.С.]» [Соловьев 1989, с. 645].

**Скворцов А.А. КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ВОЙНЕ В ЗАПАДНОЙ МОРАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ И РУССКОЙ ЭТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ XVII—XIX вв.**

То есть существует ли высшее нравственно-религиозное оправдание армейского дела, или же война есть исключительное зло, мириться с которым в наше время мы должны по необходимости? Собеседниками Генерала становятся Князь — сторонник идей непротivления злу силою Толстого, считающий войну «безусловным и крайним злом» [Соловьев 1989, с. 651], Политик — либерал-западник, думающий, что она есть «неизбежное зло, бедствие, терпимое в крайних случаях» [Соловьев 1989, с. 648] и Господин Z, (в словах которого нетрудно обнаружить мнение самого Соловьева), полагающий, что «война не есть безусловное зло и что мир не есть безусловное добро» [Соловьев 1989, с. 651]. В первой части спора Г-н Z доказывает Князю-непротivленцу, что в исключительных случаях убийство бывает оправдано: когда надо защитить невинную жертву от злодея; Князь вынужден отступить, но замечает, что такие единичные случаи не имеют никакого отношения к войне. Тогда в спор вступает Генерал и рассказывает о реальном случае, когда ему пришлось спасти армянское селение «из шести чистых, непорочных стальных орудий, самую добродетельную, благотворную картечью» [Соловьев 1989, с. 660] от банды убийц-башибузуков, которых он положил около тысячи. Князю нечего возразить. Затем, во второй части в спор вступает Политик и замечает, что обсуждаемое нравственное противоречие о допустимости убийства на войне не имеет смысла. Да, когда-то война сыграла великую роль в мировой истории, но ныне прогресс наук и культуры столь очевиден, а человечество стало столь разумным, что «ни мы, ни наши дети больших войн не увидим» [Соловьев 1989, с. 679], а значит, и убивать никого не придется. Кстати, позиция Политика очень напоминает рассуждения самого Соловьева в «Оправдании добра».

В третьей части разговора слово берет Г-н Z и без видимого труда доказывает Политику, что никакого прогресса в истории нет; напротив — торжествует зло во многих своих проявлениях, одно из которых есть война. Но самое великое зло — смерть, и к его преодолению современное человечество не продвинулось ни на шаг. Незаметно спор о смысле боевых действий переходит в разговор о сущности зла. Г-н Z отвергает мнение собеседницы-Дамы, что зло есть лишь недостаток добра; нет, оно вполне реально, но не бытийственно, а действенно. Со злом надо бороться и единственный путь победы над смертью — принять в свою душу образ Христа. Однако зло в наше время действует не столь прямолинейно, как раньше, и все реже выступает в образе башибузуков. Оно маскируется под добро, в том числе, заменяя образ Христа якобы евангельскими поучениями некоего Хозяина. Из последующих недвусмысленных намеков становится ясна антихристианская сущность размышлений Князя-толстовца, который, лишь услышав слово «антихрист», норовит улизнуть. Описанию борьбы с антихристом посвящено окончание разговора: антихрист является в мир после победоносной войны европейцев против монголов-завоевателей и соблазняет абсолютное большинство людей. Лишь маленькая горстка христиан остается верна Спасителю и обличает лукавого. В решающей битве еврейско-христианское воинство видит, как антихрист с последователями ввергается в ад и является сам Христос.

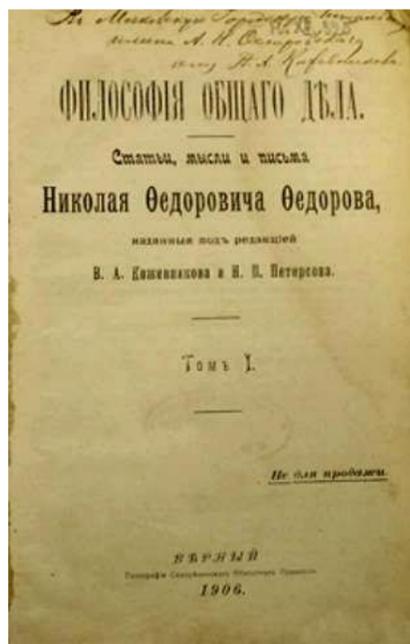
«На чем занавес-то в этой исторической драме опускается, — восклицает Генерал, — на войне, на встрече двух войск! Вот и конец нашего разговора вернулся к своему началу» [Соловьев 1989, с. 761].

Значит, есть христоролюбивое воинство! Оно — все христиане, остающиеся верными своему Спасителю. Отсюда, война имеет высшую религиозную санкцию — служение Христу. Таков окончательный метафизический вывод Владимира Соловьева, имевший, как мы увидим, немалое влияние на последующую русскую этику войны.

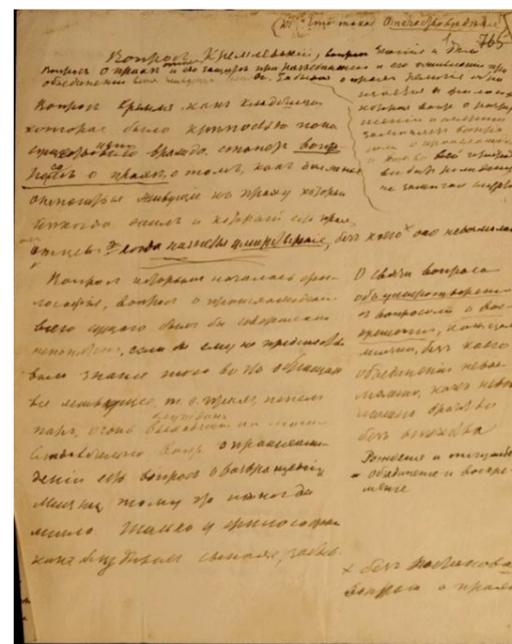
И, наконец, обратимся к взглядам Н.Ф. Федорова — уникального русского мыслителя. Его философия — грандиозный проект по восстановлению всемирного братства, причем не только живых, но и умерших с живыми. Для его осуществления требуется воскресить умерших предков — такой, ни много, ни мало, должна быть главная задача человечества.



Николай Федорович Федоров (1829—1903).  
Набросок Л.О. Пастернака. 1902



Титульный лист первого тома  
«Философии общего дела»  
Н.Ф. Федорова (Верный,  
типография Семиреченского  
областного правления, 1906)



Автограф Н.Ф. Федорова из материалов  
московского музея-библиотеки философа  
(«Что такое отечествоведение», 1890-е гг.)

**Скворцов А.А. КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ВОЙНЕ В ЗАПАДНОЙ МОРАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ И РУССКОЙ ЭТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ XVII—XIX вв.**

Более противоположных вещей, чем всемирное родство и война быть не может, поэтому Федоров — противник вооруженного насилия; его философия призывает к миру. Свои взгляды он изложил в статьях о разоружении и умиротворении (1898—1902), написанных под влиянием подготовки и проведения мирной конференции 1899 г. в Петербурге.

«Нынешние войны, — говорит он, — не прикрываются ни религиею, ни идеею, а цинично говорят о наживе, о торговых интересах, как о единственной причине войны» [Федоров 1995, с. 284].

Но и сторонники вечного мира ведут себя не лучше: они так ненавидят милитаризм и армии, что готовы были бы мигом их уничтожить. Но путь к миру лежит не через отрицание воинского дела, а переориентации его: сражаться надо не друг с другом, а со слепой и неразумной силой природы. Для этого оружие уничтожения надо превратить в орудия спасения, армии — в «естествоиспытательные» команды, долг убийства на войне — в долг воскрешения предков. Короче говоря, армия из средства войны должна превратиться в силу мира.

«Нужно не разоружение, — говорит Федоров, — не сокращение войска, а даже увеличение его, но на условии употребления всего, чем войско вооружается, на спасение от общих бедствий» [Федоров 1995, с. 303].

Следует даже ввести во всех странах всеобщую воинскую повинность, ибо борьба с разрушительными силами природы — обязанность каждого. Такой подход к военному делу Федоров называет «священно-научным милитаризмом», а объединенную на его основе армию — «экипажем или прислугой земного корабля» [Федоров 1995, с. 297]. Какими же методами должно бороться воинство против неразумных природных стихий? Надо сказать, что автор «Философии общего дела» называет их немного. Во-первых, это градобойная артиллерия, уже применявшаяся в то время; с помощью разрывов в небе специальных снарядов, начиненных особым химическим составом, можно заставить двигаться тучи в нужном направлении, вызывая дождь там, где он требуется. Так можно избавиться от засухи, неурожая и, как следствие, от голода. Во-вторых, наблюдая первые опыты боевого воздухоплавания, Федоров предположил, что можно приспособить аэростаты для выработки электричества либо из силы ветра, либо используя энергию грозы. Так возможно провести свет и электроэнергию в любое село. Наконец, армия, применяя имеющиеся средства наблюдения, могла бы исследовать «метеорический» (в смысле метеорологии) процесс и использовать эти данные для регуляции природных сил. На этом конкретные примеры автора кончаются, но дело не в их количестве — с развитием техники их могло бы стать больше, — а в самой возможности превращения орудий убийства в орудия спасения и внедрение этой мысли в сознание людей. Войско может помочь и в общем деле воскрешения предков. На первом этапе его задача сводится к охране заброшенных кладбищ, священного праха отцов от разграбления и надругательства. При кладбищах будут созданы научные лаборатории по общему делу, а также музеи, рассказывающие об истории работ над всеобщим воскрешением. Пройдет несколько веков и, быть может, участие армии в этом процессе станет более весомым, чем охрана.

Проект «священно-научного» милитаризма Н.Ф. Федорова столь необычен, что его очень сложно оценивать. С одной стороны, понятно, что мы имеем дело с мечтой, утопией, уводящей от темы войны в собственном смысле этого слова. Войны — в их прямом, традиционном понимании — продолжаются, никто в мире еще не отказался от оружия, и все мы равно должны будем сделать свой нравственный выбор, если на наш век выпадет испытание огнем. Также ясно, что истинное назначение воинства — не естественнонаучные опыты и не помощь в деле всеобщего воскрешения, а защита Родины от вооруженных посягательств, охрана мира. Но, с другой стороны, есть множество примеров того, как армия приходила на помощь людям, страдавшим от стихийных бедствий. Этот враг — не менее страшен, чем неприятельское нашествие, и бороться с ним чрезвычайно сложно. Неслучайно, что министерства по чрезвычайным ситуациям многих стран обладают настоящими воинскими подразделениями, вооруженными боевыми средствами. В этом смысле надо признать, что проект Федорова сегодня частично реализован.

Рассмотрев взгляды крупнейших русских мыслителей XIX в. на нравственный смысл боевых действий и армии, мы видим, что основы философии и этики войны ими уже были созданы. Наиболее кратко их выводы можно суммировать следующим образом:

1) Россия — самобытная, но не милитаристская держава (славянофилы),

однако

2) ее национальный уклад и политические задачи чужды Европе (Н.Я. Данилевский),

следовательно,

3) не исключена вооруженная защита своего исторического призвания по строительству православной федерации государств в священной войне, которую будут вести лучшие люди страны — воинство (К.Н. Леонтьев);

при этом

4) пока мы столь подвержены греху, войны никуда не уйдут, но их нельзя оценивать однозначно, их последствия могут быть благотворными (Ф.М. Достоевский);

к тому же

5) высшая религиозная санкция для воинства есть служение Христу (В.С. Соловьев).

**Скворцов А.А. КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ВОЙНЕ В ЗАПАДНОЙ МОРАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ И РУССКОЙ ЭТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ XVII—XIX вв.**

Авторы XX в., на долю которых выпадет большое количество военных лет, внесут немало нового в эту тему, но на них огромное влияние окажет «парадоксалистика» и метафизика войны Ф.М. Достоевского и В.С. Соловьева, национально-патриотический пафос славянофилов, Н.Я. Данилевского и К.Н. Леонтьева. Только оригинальный «священно-милитаристский» проект Н.Ф. Федорова оказался почти не замеченным в русской религиозной этике войны XX в., за исключением некоторых мыслителей-космистов. На рубеже двух столетий появилась и еще одна сила, ставшая одним из влиятельнейших направлений русской общественной мысли — учение о непротивлении злу силою Л.Н. Толстого, заслуживающая отдельного рассмотрения (и уже обсуждавшееся на страницах данного издания [Нижников 2013.а, б; Лукацкий 2014]).

\* \* \*

Проведенный сравнительный анализ концептуализации представлений о войне в западной моральной философии и русской этике XVII—XIX вв. выявил существенные различия между ними в плане моральной оценки войн. Представления западной философии нашли свое теоретическое оформление, с одной стороны, в серии трактатов о вечном мире и произведениях, посвящённых разработке теории международного права, с другой стороны, в рамках стратегии как военной науки. Первое направление со временем привело к нравственно-правовым прикладным исследованиям в области международного гуманитарного права и созданной на его базе специальной области исследования — этики войны. Из второго направления родилась самостоятельная философия войны, занятая ее исследованием не как этической коллизии, а как социального и политического явления, которое при этом часто подвергалось различным моральным оценкам. Первое направление стремилось обосновать возможность перехода войны в цивилизованные рамки, благодаря чему станет возможным уменьшить беды, которые она приносит. Второе направление принимало войну как необходимое, вечное политическое явление и обсуждало другой вопрос: как добиться от неё максимальной пользы для государства.

Иными путями шло осмысление войны в отечественной этике. Несмотря на то, что в XIX в. Россия активно включилась в обсуждение международного военного права, философская рефлексия в значительной степени восходила к религиозному пониманию вооружённого насилия. При этом отечественную традицию нельзя обвинить в излишнем милитаризме или национализме, т.к. она, в первую очередь, является частью христианской этики, но, с другой стороны, ее нельзя назвать излишне пацифистской, т.к. она не учит оставлять безнаказанным врага, покусившегося на высшие духовные святыни. Справедливо утверждать, что нахождение золотой середины между универсальным христианским миролюбием и охранительным государственным патриотизмом было главной задачей русской религиозной этики войны. Такая середина была найдена в особом нравственном восприятии, согласно которому война есть неизбежная трагедия человечности, коллизия совести, требующая от каждого проявить свои лучшие моральные качества, вплоть до самопожертвования.

## ЛИТЕРАТУРА

1. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 19 декабря 1968 г. № 2444 (XXIII) «Уважение прав человека в период вооруженных конфликтов» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Организации Объединенных наций. Режим доступа: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/246/40/IMG/NR024640.pdf?OpenElement>
2. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1970 г. № 2675 (XXV) «Основные принципы защиты гражданского населения в период вооруженных конфликтов» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Организации Объединенных наций. Режим доступа: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/352/04/IMG/NR035204.pdf?OpenElement>
3. Августин Блаженный. Творения. Т. 3. О граде Божиим. Кн. I—XIII. СПб. — Киев: Алетейя, УЦИММ-Пресс, 1998.
4. Алексеев М.П. Пушкин и проблема «вечного мира» // Алексеев М.П. Пушкин: Сравнительно-исторические исследования / АН СССР; Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). Л.: Наука, 1972. С. 160—207.
5. Арон Р. Мир и война между народами. М.: Nota Bene, 2000.
6. Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. Мн.: Литература, 1998.
7. Бердяев Н.А. Философия неравенства. М.: ИМА-Пресс, 1990.
8. Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства: В 2 т. М.: Искусство, 1994.
9. Война и мир в ранней истории человечества: В 2 т. М.: Российская академия наук, Институт этнологии и антропологии, 1994.
10. Гераклит Ефесский. Фрагменты / Пер. В. Нилендера. М.: Мусагет, 1910.
11. Геродот. История. / Пер. и прим. Г.А. Стратановского. Л.: Наука, 1972. (Серия «Памятники исторической мысли»).
12. Гегель Г.В.Ф. Сочинения. Т. VII. М., Л.: Соцэкгиз, 1934.
13. Григорий Богослов, Святитель, Архиепископ Константинопольский. Собрание творений: В 2 т. Т. 1. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1994.
14. Гроций Г. О праве войны и мира. М.: Госюриздат, 1956.

**Скворцов А.А. КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ВОЙНЕ В ЗАПАДНОЙ МОРАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ И РУССКОЙ ЭТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ XVII—XIX вв.**

15. Данилевский Н.Я. Горе победителям. М.: АЛИР, ГУП ОБДИЗДАТ, 1998.
16. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991.
17. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 22. Л.: Наука, 1981.
18. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: В 15 т. Т. 14. СПб.: Наука, 1995.
19. Зеньковский В.В. Русские мыслители и Европа. М.: Республика, 1997.
20. Кант И. Сочинения: В 4 т. Т. 1: Трактаты и статьи (1784–1796). М.: Ками, 1993.
21. Клаузевиц К. О войне. М.: Логос; Наука, 1996.
22. Ксенофонт. Анабасис. Греческая история. М.: АСТ: Астрель, 2011.
23. Ксенофонт. Киропедия / Пер. С.И. Соболевский. М.: Наука, 1976. (Серия «Литературные памятники»).
24. Леонтьев К.Н. Восток, Россия и Славянство: Философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872–1891). М.: Республика, 1996.
25. Локальные войны: История и современность. М.: Воениздат, 1980.
26. Лоренц К. Агрессия. (Так называемое «зло») / Пер. с нем. М.: Прогресс, Универс, 1994.
27. Лукацкий М.А. Л.Н. Толстой о культуре, обществе и власти [Электронный ресурс] / Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. 2014. Т. 7. Вып. 1. Стационарный сетевой адрес: 2227-9490e-aprovr\_e-ast7-1.2014.22.
28. Макиавелли Н. Государь; Рассуждения о первой декаде Тита Ливия; О военном искусстве: Сборник. Мн.: Попурри, 1998.
29. Мир/Peace: Альтернативы войне от античности до конца второй мировой войны. Антология. М.: Наука, 1993.
30. Нижников С.А. Мораль и политика в социокультурном контексте // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. 2013.а. Т. 2. Вып. 1. Режим доступа: <http://j-spacetime.com/actual%20content/t2v1/2101.php>.
31. Нижников С.А. Противиться ли злу силой: проблема морали в философско-политическом дискурсе // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. 2013.б. Т. 3. Вып. 2. Режим доступа: <http://j-spacetime.com/actual%20content/t3v2/3221.php>.
32. Ницше Ф. Сочинения: В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1990.
33. Образцов И.В. Военная социология: проблема исторического пути и методология // Социс. 1993. № 12. С. 4–19.
34. Памятники римского права: Законы 12 Таблиц. Институции Гая. Дигесты Юстиниана. М.: Зерцало, 1997.
35. Платон. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1994.
36. Платон (Левшин; митрополит Московский). «Из глубины воззвах к тебе, Господи...» М.: Паломник; Русский двор, 1996.
37. Повесть временных лет. СПб.: Азбука, Терра, 1997.
38. Правила Святых отец с толкованиями. М.: Благовест, 1984.
39. Разин Е.А. История военного искусства. СПб.: Полигон, 2000.
40. Русские философы о войне. М.: Кучково поле, 2005.
41. Св. Амвросия, епископа Медиоланского творение. Об обязанностях священнослужителей. М. — Рига: Благовест, 1995.
42. Серебрянников В.В. Социология войны. М.: Научный мир, 1997.
43. Скворцов А.А. Нравственные проблемы войны в русской религиозной философии XX века. Дисс. ... к.ф.н. М.: МГУ, 2000.
44. Скворцов А.А. Русская религиозная этика войны XX века. М.: МАКС-Пресс, 2002.
45. Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. Т. 1. М.: Наука, 1988.
46. Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1989.
47. Страхов Н.Н. О книге Н.Я. Данилевского «Россия и Европа» // Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991. С. 510–515.
48. Строгецкий В.М. Старшие и младшие логографы // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия История. Политология. Экономика. Информатика. 2010. № 7 (78). Вып. 14. С. 13–18.
49. Толстой Л.Н. Собрание сочинений: В 14 т. Т. 9. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1952.
50. Федоров Н.Ф. Собрание сочинений: В 4 т. Т. II. М.: Прогресс, 1995.
51. Франк С.Л. Русское мировоззрение. СПб.: Наука, 1996.
52. Фукидид. История / Пер. и примеч. Г.А. Стратановского. Отв. ред. Я.М. Боровский. Л.: Наука, 1981. (Се-

**Скворцов А.А. КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ВОЙНЕ В ЗАПАДНОЙ МОРАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ И РУССКОЙ ЭТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ XVII—XIX ВВ.**

- рия «Литературные памятники»).
53. Хомяков А.С. О старом и новом: статьи и очерки. М.: Современник, 1988.
  54. Хофмайстер Х. Воля к войне, или Бессилие политики. Философско-политический трактат. СПб.: Гуманитарная академия, 2006.
  55. Христоролюбивое воинство: Православная традиция Русской Армии. М.: Военный университет; Независимый военно-научный центр «Отечество и Воин»; Русский путь, 1997.
  56. Штейнметц Р. Философия войны. Пг.: Образование, 1915.
  57. Штирнер М. Единственный и его собственность. Харьков: Основа, 1994.
  58. Эразм Роттердамский. Жалоба мира // Трактаты о вечном мире / Сост. И.С. Андреева и А.В. Гулыга. М.: Соцэкгиз, 1963. С. 39–65.
  59. Blösel W. "Thucydides and Themistocles: A Herodotean Narrator?." *Thucydides and Herodotus*. Eds. E. Foster and D. Lateiner. Oxford: Oxford University Press, 2012, pp. 215–240.
  60. Coker C. *The Ethics of War and Peace: An Introduction to Legal and Moral Issues*. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice Hall, 1994.
  61. Cox R. *John Wyclif on War and Peace*. Woodbridge: Boydell and Brewer, 2014.
  62. Lateiner D. "Deceptions and Delusions in Herodotus." *Classical Antiquity* 9.2 (1990): 230–246.
  63. Levy I.C. "John Wyclif: Christian Patience in a Time of War." *Theological Studies* 66 (2005): 330–357.
  64. Nippel W. "Facts and Fiction: Greek Ethnography and Its Legacy." *History and Anthropology* 9.2–3 (1996): 125–138.
  65. Reichberg G.M., Syse H., Begby E., eds. *The Ethics of War: Classic and Contemporary Readings*. Malden, Mass.: Blackwell Publishing, 2006.
  66. Sorabji R., Rodin D., eds. *The Ethics of War: Shared Problems in Different Traditions*. Wolfson College, Oxford: Ashgate e-Book, 2006.
  67. Thomas R. "The Greek Polis and the Tradition of Polis History: Local History, Chronicles and the Patterning of the Past." *Patterns of the Past: Epitadeumata in the Greek Tradition*. Eds. A. Moreno and R. Thomas. Oxford: Oxford University Press, 2014, pp. 145–172.
  68. Walzer M. *Just and Unjust Wars: A Moral Argument with Historical Illustrations*. New York: Basic Books, 2006.

Цитирование по ГОСТ Р 7.0.11–2011:

Скворцов, А. А. Концептуализация представлений о войне в западной моральной философии и русской этической мысли XVII—XIX вв. [Электронный ресурс] / А.А. Скворцов // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. — 2015. — Т. 8. — Вып. 2. — Стационарный сетевой адрес: 2227-9490e-aprov\_r\_e-ast8-2.2015.42

**VISIONS OF WAR CONCEPTUALIZATION IN THE WESTERN MORAL PHILOSOPHY AND RUSSIAN ETHICAL THOUGHT OF 17TH—19TH CENTURIES**

Alexey A. Skvortsov, Ph.D., Associate Professor, Chair of Ethics, Philosophical Department of Lomonosov Moscow State University

E-mail: lambis@mail.ru

In 21st century, humankind becomes a witness of growth in the number of armed conflicts and their severity around the world, so that makes actual studying of their causes, motives and driving forces.

The subject of my research is concept of war in Western moral philosophy and Russian ethics of the 17th—19th centuries, as well as moral appraisal of war in various intellectual movements. In my study, I used comparative analysis of Western and Russian tradition of war interpretation and method of normative and valuable analysis of the social and political events.

I point to the existence in Western moral philosophy three types of moral war regards: apologetics, pacifism and pluralism. Apologetics believes that the war makes great benefit to humanity, pacifism, vice-versa, believes that any war is a great evil. Pluralistic viewpoint insists that war, as usually evil, can serve to the common good under certain conditions. In contrast to Western moral philosophy, apologetics and pacifism in Russian ethics were manifested lesser. The moral regard of war comes from religious motives. Main Russian philosophers treat the war as God's judgment on civilization, which requires person to

**СКВОРЦОВ А.А. КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ВОЙНЕ В ЗАПАДНОЙ МОРАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ И РУССКОЙ ЭТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ XVII—XIX ВВ.**

exert his best moral qualities, right up to self-sacrifice.

So, my comparative analysis revealed significant differences between Western and Russian philosophy in terms of moral evaluation of war, and my conclusions relating differences in the evolution of these philosophical views:

- (i) Western philosophical views on war took shape in a series of theoretically treatises on the eternal world and works dedicated to the development of the theory of international law, on the one hand, and in the form of strategy within the military science, on the other hand. The first direction eventually led to the moral and legal applied research in the field of international humanitarian law and ethics of war, created on its base as a special field of study. The second trend gave rise an independent philosophy of war, explores the phenomenon of war not as an ethical conflict, but as a social and political phenomenon, which in the analysis are often subject to different moral qualifications.
- (ii) On the contrary, despite the fact that in the 19th century, Russia was actively involved in the negotiation of the international laws of war, Russian philosophical reflection of ethics of war remains largely within the religious understanding of armed violence.

**Keywords:** ethics, Western philosophy, Russian philosophy, war, violence, armed struggle, militarism, anti-militarism, just war, holy war.

**References:**

1. Alekseev M.P. "Pushkin and the Problem of 'Eternal Peace'." *Pushkin: A Comparative Historical Research*. Leningrad: Nauka Publisher, 1972, pp. 160 – 207. (In Russian).
2. Aristotle. *Ethics. Politics. Rhetoric. Poetics. Categories*. Minsk: Literatura Publisher, 1998.
3. Aron. R. *War and Peace between Nations*. Moscow: Nota Bene Publisher, 2000. (In Russian).
4. Berdyaev N.A. *Philosophy of Inequality*. Moscow: IMA-Press Publisher, 1990. (In Russian).
5. Berdyaev N.A. *The Philosophy of Creativity, Culture and the Arts*. Moscow: Iskusstvo Publisher, 1994. (In Russian).
6. Blessed Augustine. *Creation. Volume 3: The City of God*. St. Petersburg and Kiev: Aletheia Publisher, UTSIMM-Press Publisher, 1998. (In Russian).
7. Blösel W. "Thucydides and Themistocles: A Herodotean Narrator?." *Thucydides and Herodotus*. Eds. E. Foster and D. Lateiner. Oxford: Oxford University Press, 2012, pp. 215 – 240.
8. *Christ-Loving Warrior-Host: The Orthodox Tradition of Russian Army*. Moscow: Military University Publisher; Independent Military Research Center "Otechestvo i vojn" Publisher; Russky put Publisher, 1997. (In Russian).
9. Clausewitz C. *On War*. Moscow: Logos Publisher; Nauka Publisher, 1996. (In Russian).
10. Coker C. *The Ethics of War and Peace: An Introduction to Legal and Moral Issues*. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice Hall, 1994.
11. Cox R. *John Wyclif on War and Peace*. Woodbridge: Boydell and Brewer, 2014.
12. *Creation of St. Ambrose, Bishop of Milan. On the Responsibilities of Clerics*. Moscow and Riga: Blagovest Publisher, 1995. (In Russian).
13. Danilevsky N.Ya. *Russia and Europe*. Moscow: Kniga Publisher, 1991. (In Russian).
14. Danilevsky N.Ya. *Woe to the Victors*. Moscow: ALIR Publisher, 1998. (In Russian).
15. Desiderius Erasmus. "Abuse of the Peace." *Treatise on Perpetual Peace*. Eds. I.S. Andreeva and A.V. Gulyga. Moscow: Sotsekgiz Publisher, 1963, pp. 39 – 65. (In Russian).
16. Dostoevsky F.M. *Collected Writings*. St. Petersburg: Nauka Publisher, 1995, volume. 14. (In Russian).
17. Dostoevsky F.M. *Complete Writings*. Leningrad: Nauka Publisher, 1981, volume 22. (In Russian).
18. Fedorov N.F. *Collected Writings*. Moscow: Progress Publisher, 1995, volume 2. (In Russian).
19. Frank S.L. *Russian Worldview*. St. Petersburg: Nauka Publisher, 1996. (In Russian).
20. Grotius. *On Law of War and Peace*. Moscow: Gosyurizdat Publisher, 1956. (In Russian).
21. Hegel G.W.F. *Writings*. Moscow and Leningrad: Sotsekgiz Publisher, 1934, volume VII. (In Russian).
22. Heraclitus of Ephesus. *Fragments*. Moscow: Musaget Publisher, 1910. (In Russian).
23. Herodotus. *History*. Leningrad: Nauka Publisher, 1972. (In Russian).
24. Hofmeister H. *How War Makes Politics Impossible: A Philosophical Analysis of the Two Ways We Deal with 'otherness'*. St. Petersburg: Gumanitarnaya akademiya Publisher, 2006. (In Russian).
25. Kant I. *Writings. Volume 1: The Treatises and Articles (1784 – 1796)*. Moscow: Kami Publisher, 1993. (In Russian).
26. Khomyakov A.S. *On the Old and the New: Articles and Essays*. Moscow: Sovremennik Publisher, 1988. (In Russian).
27. Lateiner D. "Deceptions and Delusions in Herodotus." *Classical Antiquity* 9.2 (1990): 230 – 246.
28. Leontiev K.N. *East, Russia and the Slavs: Philosophical and Political Essays. Spiritual Prose (1872 – 1891)*. Moscow: Respublika Publisher, 1996. (In Russian).

## СКВОРЦОВ А.А. КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ВОЙНЕ В ЗАПАДНОЙ МОРАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ И РУССКОЙ ЭТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ XVII—XIX ВВ.

29. Levy I.C. "John Wyclif: Christian Patience in a Time of War." *Theological Studies* 66 (2005): 330—357.
30. *Local Wars: History and Modernity*. Moscow: Voenizdat Publisher, 1980. (In Russian).
31. Lorenz K. *The So-Called Evil: On the Natural History of Aggression*. Moscow: Progress Publisher, Univers Publisher, 1994. (In Russian).
32. Lukatsky M.A. "Leo Tolstoy about Culture, Society and Power." *Elektronnoe nauchnoe izdanie Al'manakh Prostranstvo i Vremya [Electronic Scientific Edition Almanac Space and Time]* 7.1 (2014). Web. <2227-9490e-aprov\_r\_e-ast7-1.2014.22>. (In Russian).
33. Machiavelli N. *Prince; Discourse on the First Decade of Titus Livius; On Art of War*. Minsk: Popurri Publisher, 1998. (In Russian).
34. Nietzsche F. *Writings*. Moscow: Mysl Publisher, 1990, volume 2. (In Russian).
35. Nippel W. "Facts and Fiction: Greek Ethnography and Its Legacy." *History and Anthropology* 9.2—3 (1996): 125—138.
36. Nizhnikov S.A. "Morals and Policy in Sociocultural Context." *Elektronnoe nauchnoe izdanie Al'manakh Prostranstvo i Vremya [Electronic Scientific Edition Almanac Space and Time]* 2.1 (2013.a). Web. <http://j-spacetime.com/actual%20content/t2v1/2101.php>. (In Russian).
37. Nizhnikov S.A. "Shall We Resist to Evil by Force? The Problem of Morals in Philosophy-Political Discourse." *Elektronnoe nauchnoe izdanie Al'manakh Prostranstvo i Vremya [Electronic Scientific Edition Almanac Space and Time]* 3.2 (2013.b). Web. <http://j-spacetime.com/actual%20content/t3v2/3221.php>. (In Russian).
38. *Noted Monuments of Roman law: Laws of 12 Tables. Institutions of Gaius. Digests of Justinian*. Moscow: Zertsalo Publisher, 1997. (In Russian).
39. Obraztsov I.V. "Military Sociology: The Problem of the Historical Path and Methodology." *Sotsis* 12 (1993): 4—19. (In Russian).
40. *Peace / Pace: Alternatives to War from Antiquity up to End of the WWII*. Moscow: Nauka Publisher, 1993. (In Russian).
41. Plato. *Collected Writings*. Moscow: Mysl Publisher, 1994, volume 3. (In Russian).
42. Platon (Levshin, Metropolitan of Moscow). *'Out of Depths I Have Cried To Thee, O Lord...'* Moscow: Palomnik Publisher; Russky dvor Publisher, 1996. (In Russian).
43. Razin E.A. *The History of Military Art*. St. Petersburg: Polygon Publisher, 2000. (In Russian).
44. Reichberg G.M., Syse H., Begby E., eds. *The Ethics of War: Classic and Contemporary Readings*. Malden, Mass.: Blackwell Publishing, 2006.
45. *Rules of Holy Fathers with the Interpretations*. Moscow: Blagovest Publisher, 1984. (In Russian).
46. *Russian Philosophers about War*. Moscow: Kuchkovo pole Publisher, 2005. (In Russian).
47. Serebryannikov V.V. *Sociology of War*. Moscow: Nauchny mir Publisher, 1997. (In Russian).
48. Skvortsov A.A. *Moral Problems of War in Twentieth-century Russian Religious Philosophy*. Ph.D. diss. Moscow, 2000. (In Russian).
49. Skvortsov A.A. *Twentieth-century Russian Religious Ethics of Wars*. Moscow: MAX Press Publisher, 2002. (In Russian).
50. Solovyov V.S. *Writings*. Moscow: Nauka Publisher, 1988, volume 1. (In Russian).
51. Solovyov V.S. *Writings*. Moscow: Nauka Publisher, 1989, volume 2. (In Russian).
52. Sorabji R., Rodin D., eds. *The Ethics of War: Shared Problems in Different Traditions*. Wolfson College, Oxford: Ashgate e-Book, 2006.
53. St. Gregory the Theologian, Archbishop of Constantinople. *Collected Writings*. Holy Trinity St. Sergius Lavra, 1994, volume 1. (In Russian).
54. Steinmetz R. *Philosophy of War*. Petrograd: Obrazovanie Publisher, 1915. (In Russian).
55. Stirner M. *The Ego and His Own*. Kharkov: Osnova Publisher, 1994. (In Russian).
56. Strakhov N.N. "On the N.Ya Danilevsky's Book 'Russia and Europe'." *Russia and Europe* by N.Ya. Danilevsky. Moscow: Kniga Publisher, 1991, pp. 510—515. (In Russian).
57. Strogetsky V.M. "Old and Young Logographs." *Scientific Bulletin of Belgorod State University. Series: History Political Science, Economics, Information Technologies* 14.7(78) (2010): 13—18. (In Russian).
58. *Tale of Bygone Years*. St. Petersburg: Azbuka Publisher, Terra Publisher, 1997. (In Russian).
59. Thomas R. "The Greek Polis and the Tradition of Polis History: Local History, Chronicles and the Patterning of the Past." *Patterns of the Past: Epitadeumata in the Greek Tradition*. Eds. A. Moreno and R. Thomas. Oxford: Oxford University Press, 2014, pp. 145—172.
60. Thucydides. *History*. Leningrad: Nauka Publisher, 1981. (In Russian).
61. Tolstoy L.N. *Collected Writings*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publisher, 1952, volume 9. (In Russian).
62. "UN General Assembly Resolution A/RES/2444(XXIII) Respect for Human Rights in Armed Conflicts." *General Assembly – Twenty-third Session. Official Website of UN*. UN, 19 Dec. 1968. PDF-file. <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/244/04/IMG/NR024404.pdf?OpenElement>.

**Скворцов А.А. КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ВОЙНЕ В ЗАПАДНОЙ МОРАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ И РУССКОЙ ЭТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ XVII—XIX ВВ.**

63. "UN General Assembly Resolution A/RES/2675(XXV) Basic Principles for the Protection of Civilian Populations in Armed Conflicts." *General Assembly – Twenty-fifth Session. Official Website of UN*. UN, 9 Dec. 1970. PDF-file. <<http://daccess-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/349/40/IMG/NR034940.pdf?OpenElement>>.
64. Walzer M. *Just and Unjust Wars: A Moral Argument with Historical Illustrations*. New York: Basic Books, 2006.
65. *War and Peace in the Early History of Mankind*. Moscow: RAS Institute of Ethnology and Anthropology Publisher, 1994. (In Russian).
66. Xenophon. *Anabasis. Greek History*. Moscow: AST Publisher, Astrel Publisher, 2011. (In Russian).
67. Xenophon. *Cyropaedia*. Moscow: Nauka Publisher, 1976. (In Russian).
68. Zenkovsky V.V. *Russian Thinkers and Europe*. Moscow: Respublika Publisher, 1997. (In Russian).

**Cite MLA 7:**

Skvortsov, A. A. "Visions of War Conceptualization in the Western Moral Philosophy and Russian Ethical Thought of 17th—19th Centuries." *Elektronnoe nauchnoe izdanie Al'manakh Prostranstvo i Vremya [Electronic Scientific Edition Almanac Space and Time]* 8.2 (2015). Web. <2227-9490e-aprov\_r\_e-ast8-2.2015.42>. (In Russian).